

С. 2 Его память остаётся пронизанной светом Христового Воскресения

17 апреля, в Светлый понедельник, отошёл ко Господу архиепископ Вроцлавский и Щецинский Иеремия – пастырь, проповедник, автор многих церковных инициатив в Польской автокефальной православной церкви

С. 4 Православную российскую провинцию он нашёл в не меньшей степени нуждающейся в религиозном просвещении, чем Алтай

170 лет назад скончался выдающийся миссионер, переводчик Священного писания прп. Макарий (Глухарев)

С. 5 Май 1917: «церковная революция»

Говоря о событиях мая 1917 года, мы обратимся к теме, которую было бы странно и дальше оставлять «за кадром», и расскажем об отношении церкви к происходившим в 1917 году событиям. Нам важно понять и то, как сами эти события отразились на церковной жизни

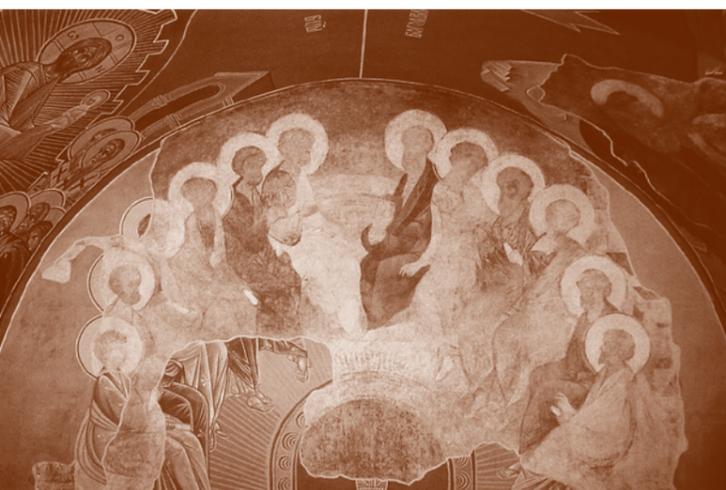
Приложение «Вестник просвещения»

Мы продолжаем серию материалов о Святой земле рассказом об основании и прежде всего об основателе Русской духовной миссии – архимандрите Порфирии (Успенском), востоковеде, филологе, археологе, знатке языков и церковном дипломате

Тема номера Экклезиология

Экклезиология остаётся «горячей» темой

Перед конференцией Свято-Филаретовского института «Евхаристическая экклезиология сегодня: восприятие, воплощение, развитие» мы продолжаем публиковать интервью, посвященные проблемам экклезиологии

Прп. Андрей Рублёв. Сошествие Святого Духа. Фреска в Успенском соборе Владимира, 1408 г.

Экклезиология – одна из основных богословских тем минувшего и наступающего столетия. Тем не менее конференции с обсуждением её проблем проводятся нечасто (в России международная конференция Синодальной богословской комиссии по проблемам экклезиологии проходила в 2003 году, почти 15 лет назад). Как Вы думаете, почему?

Профессор богословия Оксфордского университета митрополит Диоклийский Каллист (Уэр): Я согласен, что нам, представителям православного мира, следовало бы проводить больше конференций и консультаций по экклезиологии. Один из важных вопросов – это соотношение между первенством власти и соборностью (имея в виду и примат Рима, и первенство Вселенского

патриархата). Хотелось бы отметить, что Комиссия по православно-католическому диалогу провела много времени в обсуждении этой темы (в связи с приматом Рима) в течение последних лет; но мы, православные, нуждаемся и в обсуждении этих проблем между собой, а не только в присутствии представителей других христианских конфессий. В Москве и Константинополе существуют разные взгляды на проблемы первенства; это деликатная тема, но её нельзя игнорировать.

Декан Свято-Владимирской православной семинарии протоиерей Джон Бэр: Ну, 15 лет назад – это неплохо. Я не могу припомнить, когда в последний раз обсуждение, посвященное экклезиологии, проходило по инициативе православных на Западе – в Западной Европе или Америке.

Окончание на с. 6-7

Митрополит Диоклийский Каллист (Уэр)

«Покаяние – это путь к восстановлению доверия между людьми»

Инициаторы Акции национального покаяния «Имеющие надежду» рассказали о ней на пресс-конференции в агентстве «Интерфакс»

В президиуме справа налево: духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков, режиссер Андрей Смирнов, председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак, предводитель Российского и Московского дворянского собрания Олег Щербачев

Акция национального покаяния «Имеющие надежду», посвященная столетию революционных событий в России, – вне политики, она имеет духовный смысл и направлена не только на прошлое, но и на будущее. О задачах этой акции, которая уже началась по инициативе Преображенского православного братства и продолжится в течение 2017 г., рассказали её организаторы и участники на пресс-конференции 19 апреля в пресс-центре ИА «Интерфакс».

«Мы обращаемся к людям всех

возрастов, культур, образовательного уровня, абсолютно ко всем, кто готов откликнуться живым сердцем, имея ответственность за происшедшее, чтобы принести покаяние перед историей, перед людьми, перед Господом Богом за то, что было совершено в нашей стране», – сказал председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак. Он подчеркнул, что акция имеет неполитический характер, что духовной её основой должно стать «единство в различии добра и зла», а это, в свою очередь, может стать фундаментом подлинного примирения.

Окончание на с. 3

В МГУ состоялась научная конференция «Столетие Революции 1917 года»

29 –31 марта 2017 года в Шуваловском корпусе МГУ имени М.В. Ломоносова проблемы, связанные с изучением политических, социально-экономических, культурных и религиозных аспектов истории событий 1917 года, обсуждали более 300 ученых и экспертов – историки, политологи, социологи, философы. В конференции приняли участие представители университетов, академических научно-исследовательских учреждений, музеев и исторических обществ более чем из сорока стран.

События от начала февральского переворота и до конца гражданской войны в новых учебниках истории (в отличие от

советской историографии) описываются как единый процесс. И эта позиция неслучайна. «Важно знать, что именно в феврале 1917 года состоялось то событие, которое стало спусковым механизмом, разрушившим прежнюю государственную и политическую систему. Это – отречение Николая Второго – первое и главное событие, которое повлекло все остальные», – отметил на открытии конференции декан факультета политологии МГУ Андрей Шутков.

Дополняя его, декан исторического факультета Иван Тучков напомнил, что важно избавиться от клише, которые существуют в обществе с советских времен.

Окончание на с. 8

На секции «Революция 1917 года в России и церковь»

Его память остаётся пронизанной светом Христова Воскресения

17 апреля, в Светлый понедельник, отошёл ко Господу архиепископ Вроцлавский и Щецинский Иеремия – пастырь, проповедник, автор многих церковных инициатив в Польской автокефальной православной церкви

Владыка Иеремия родился 3 октября 1943 года в Одринках, около Белостока, с 1957 по 1961 год учился в гимназии, с 1961 по 1965 год – в православной семинарии в Варшаве. В 1965–1966 году писал кандидатскую диссертацию в Московской духовной академии, в 1966–1968-м обучался на теологическом факультете в Цюрихе.

Вернувшись в Польшу, стал преподавателем Священного Писания Ветхого и Нового Завета в Варшавской православной духовной семинарии. С 1971 по 1976 гг. был редактором официального печатного издания «Известия Польской Автокефальной Православной Церкви».

22 февраля 1977 г. получил степень доктора богословия за исследование «Ориген и современная экзегеза». В 1980 г. получил степень доктора за исследование «Мы будем судить ангелов (Элементы антропологии и ангелологии в Первом послании св. апостола Павла к Коринфянам)». В 1981 г. стал заведующим кафедрой экзегетики Нового Завета в Христианской богословской академии в Варшаве.

В 1983 г. был рукоположен и вскоре пострижен в монашество с именем Иеремия и в том же году хиротонисан во епископа Бельского, викария Варшавской митрополии. В июле 1983 г. избран епископом Вроцлавским и Щецинским, в 1997 г. возведен в сан архиепископа.

В 1996 г. был избран ректором Христианской богословской академии в Варшаве. С 2000 по 2006 г. возглавлял Польский экуменический совет, объединяющий не католические христианские конфессии Польши. Принимал активное участие в межхристианском диалоге.

Члены Преображенского братства не один раз встречались с владыкой во время паломничества.

Мы публикуем слово на кончину архиеп. Иеремии из личного блога духовного почитателя Преображенского братства священника Георгия Кочеткова:

Кончина владыки Вроцлавского и Щецинского Иеремии в самом начале Светлой седмицы – это неожиданное событие, и в то же время предсказуемое: мы знали о его тяжелой болезни.

Владыка Иеремия был выдающимся иерархом Польской православной церкви (а в каком-то смысле и Русской церкви: Польская церковь – это как бы «отделение» Русской церкви, и её нельзя воспринимать просто саму по себе, не только в связи с её национальным составом, в котором много белорусов и представителей других народов, традиционно окормляемых Русской православной церковью). Владыка Иеремия был удивительно мудрым человеком. Он участвовал в разных церковных проектах, в частности представлял Польскую церковь и вообще православие в экуменическом контексте, то есть перед лицом инославных христиан. Он был человеком просвещенным, не фундаменталистом – он был человеком думающим, открытым, смелым.

Моё личное впечатление от общения с ним очень светлое. Он был, конечно, прекрасным организатором. Но главное – он не боялся новых шагов, каких-то новых мыслей, новых путей. Господь открывает и творит всё новое, и большинство христиан немножко боятся этого – боятся, что новое будет отрицать старое и что всё рассыпется... Владыка Иеремия понимал, что это не так, что в жизни всё по-другому: что человек, который не принимает нового и не творит нового – удаляется от Бога.

Он с радостью принимал наших паломников, даже нашу молодежь, духовно ещё не вполне сформировавшуюся, и – я видел фотографии последней такой встре-

Владыка Иеремия дал интервью молодежи Преображенского братства, встретившейся с ним в 2012 году*.

чи – мне показалось, что он был очень радушен, очень открыт. Всё-таки не всегда мы видим такое отношение со стороны архиереев.

Так что могу сказать только одно: вечная ему память! Его память остаётся пронизанной светом Христова Воскресения.

*Материал назывался «Человек должен знать, как он верит и почему он верит». Его можно прочитать на сайте нашей газеты. Режим доступа: <http://gazetakifa.ru/content/view/4640/>

В Воронеже прошёл вечер памяти Никиты Струве

Вечер памяти Никиты Алексеевича Струве – одного из последних представителей великой традиции русской эмиграции – человека Культуры и Церкви, выдающегося издателя и ученого-слависта, первым опубликовавшего «Архипелаг ГУЛАГ», автора монографии о Манделштаме, прошёл в рамках проекта «Наше наследие. Дни Русского зарубежья в Воронеже».

Организаторами проекта стали Воронежские православные братства во имя свт. Тихона Задонского и прп. Силуана Афонского, Русское студенческое христианское движение (РСХД, Франция), Издательство YMCA-Press (Франция), Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ, Москва), Комиссия по канонизации святых Воронежской епархии. Встреча прошла по благословению митрополита Воронежского и Лискинского Сергия, главы Воронежской митрополии.

Названием вечера стало выражение «Мы не в изгнании, мы в послании», которое родилось в кругах людей, насильно оторванных от родины Русской Катастрофой 1917 года. «Сегодняшний

наш вечер можно было бы назвать просто «Изгнанные», – заметила Инна Ткаченко, ведущая встречи, – но в том-то и дело, что, оказавшись на чужбине, эти люди восприняли свою жизнь как послание».

«Этот год – год не только столетия революции, но и год столетия начала целой эпохи страшных гонений на русскую православную церковь. Символично, что именно в этом году мы собрались, чтобы поговорить о тех людях, которые представляют цвет русской нации и русской культуры. Все эти люди нашли отражение в книгах, опубликованных в YMCA-Press – издательстве, которое долгие годы возглавлял Н.А. Струве», – заметил протоиерей Андрей Изакар, председатель комиссии по канонизации святых Воронежской епархии.

«Никита Алексеевич всегда был служителем Слова, служителем Света. Возможно, этот мир существует до сих пор только благодаря таким людям, как он, которые содействовали тому, чтобы тотальное зло было остановлено и слово правды зазвучало», – поделился своими размышлениями в приветственном слове Алексей Евстигнеев, председатель малого православного братства во имя свт. Тихона Задонского.

Пожать руку Бунину

В рассказах Н.А. Струве студентам о встречах с Буниным, с Ахматовой, другими известными личностями, никогда нельзя было усмотреть хоть малую обращенность к себе, к своей личности, а только к ним. Но за этой простотой была большая глубина и мудрость.

Когда А.А. Ахматова приехала в Париж в 1966 году для встречи с эмигрант-

скими друзьями, Н.А. Струве пришел к ней с магнитофоном, чтобы записать её чтение стихов и беседу. «До сих пор это – редчайшее свидетельство о поэтессе», – заметила Татьяна Викторова, профессор Страсбургского университета, сменившая Н.А. Струве, после его кончины, на посту главного редактора журнала «Вестник РХД». В 1995 году благодаря Никите Алексеевичу в Воронеж была возвращена из Парижа коллекция художника Петра Александровича Нилуса, друга И.А. Бунина, и часть его архива. Всё это предназначено для будущего музея И.А. Бунина.

А в 2015 году Никита Алексеевич поделился с Владимиром Бойковым архивными материалами из личной переписки его деда и отца с Буниным для выставки в воронежском музее И.А. Бунина.

Поездки по России

После отмены антицерковных законов начались поездки Струве по России с его изданиями – более чем по 60 городам. Воронеж при этом стал одним из первых городов, куда были доставлены книги издательства YMCA-Press в 1992 году. Владимир Бойков – журналист, организатор первой выставки YMCA-Press в Воронеже, рассказал, что Никита Алексеевич воспринимал эту поездку в первую очередь как паломничество по следам Осипа Манделштама. В 1976 году Н.А. Струве написал диссертацию о Манделштаме. Эта монография стала откровением для французов и потрясением для русских. Это был тот Манделштам, которого они не знали. В Воронежском университете ему удалось прочесть лекцию о поэте. Она вызвала огромный интерес.

Никита Алексеевич всегда сохранял веру в Россию, говоря, что эта вера должна быть «зрячей, покаянной и ответственной». И этот вечер памяти прошел в рамках Акции национального покаяния «Имеющие надежду».

«Н.А. Струве – фигура историческая. Он был одним из последних носителей духа и смысла русской эмиграции первой волны. Он старался исполнить то завещание, которое оставили русские люди, вынужденные покинуть Россию после катастрофы 1917 года. «Вестник» войдет в историю как великое дело, которое способствовало передаче того богатства наследия русской эмиграции, которым обладал Никита Алексеевич», – такие мысли отца Георгия Кочеткова прозвучали в завершение вечера.

Наше наследие, сохраненное и умноженное русской эмиграцией, пока не изучено. Важно сделать его нашим достоянием по-настоящему. В истории России и русской церкви всегда были люди, которые в кризисные, трудные периоды проявляли особую чуткость и духовную ответственность за страну. Никита Алексеевич умел противостоять историческому злу заботой о просвещении, издательской деятельностью. Его друг – А.И. Солженицын – написал не только «Архипелаг ГУЛАГ» и другие художественные и публицистические произведения, он также является автором покаянной молитвы о России. Именно словами этой молитвы был завершён вечер памяти Н.А. Струве.

Неонила-Нелля Бедеркина
Полностью новость опубликована на сайте

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Борк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 2 мая 2017 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 5 мая 2017 г.

gazetakifa.ru

«Покаяние – это путь к восстановлению доверия между людьми»

Инициаторы Акции национального покаяния «Имеющие надежду» рассказали о ней на пресс-конференции в агентстве «Интерфакс»

Начало на с. 1

Олег Щербачев

Дмитрий Гасак сообщил, что Акция национального покаяния «Имеющие надежду» уже началась и проходит в самых разных формах. Так, осенью 2016 г. в десятках городов состоялось чтение имен пострадавших от советских репрессий «Молитва памяти»; уже прошли концерт-размышление «Февраль.1917» в ДК «ЗИЛ» (Москва), концерт-размышление «В ком сердце есть, тот должен слышать, время...» в зале «Лендок» (Санкт-Петербург), выступление Елены Камбуровой. В разных городах России работает лекторий «1917», посвященный осмыслению революции. В сети проходит флэшмоб «Нам нужно расстаться», посвященный освобождению страны от советской символики, прежде всего – памятников Ленину. Обо всех состоявшихся и предстоящих мероприятиях можно узнать на сайте акции.

«Для покаяния всегда есть время. Надо успеть покаяться, жизнь человека не бесконечна», – утверждает предводитель Российского и Московского дворянского собрания Олег Щербачев, комментируя таким образом заявления о том, что тело Ленина надо было вынести из Мавзолея в 1991 г., а теперь «не время» и надо ждать. Он обратил внимание на пример всенародного покаяния в истории России – это завершение Смуты в 1613 г., когда «народ ощутил как грех все, что происходило в стране» и покаялся. Мы же отделены целым веком от того народа, который был в России в 1917 г., и все мы вышли из «новой исторической общности – советский народ», продолжил О. Щербачев. Поэтому «ощущая народ больше нет, но есть люди, которые ощущают себя

русскими, а разрушенное государство – своей духовной родиной, и именно к ним мы обращаем свой призыв». Но как можно каяться за других, за предков? Отвечая на этот часто встречающийся вопрос, О. Щербачев подчеркнул, что в событиях 1917 г. «виноваты все – и дворянство, и духовенство, и простой народ, кто делом, кто бездействием, кто словом, кто молчанием, кто помышлением, а кто бездумностью и просто безумием соучаствовал в этом преступлении. Надо увидеть в себе дедов и прадедов, которые принимали участие в этом». Покаяние за грехи прошлого очень действенно, считает выступавший, если кающийся «ощущает свою духовную или правовую связь» с предками. Поэтому любой человек, если он осознает «единство своего рода», «единую сущность народа», может принести покаяние.

По словам народного артиста России, режиссера Андрея Смирнова, не стоит бояться, что Акция национального покаяния приведет к разделению народа. Наоборот, чтобы развиваться дальше, народ должен осознать, что носит в себе тяжелую болезнь, которая возникла в 1917 г., что 74 года Россией правил режим, который начал с повсеместного террора и оставался по сути террористическим, однако осмысления этого на уровне «сознания нации» пока не произошло. «Чтобы вскрыть раковую опухоль, надо назвать вещи своими именами. Дело не в том, чтобы расправиться с потомками палачей, а в том, чтобы осознать: мы все... созданы этим террористическим режимом. В Акции национального покаяния мы можем сделать первый шаг по осознанию той страшной болезни, которую каждый носит в себе», – сказал режиссер.

Священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ), также считает, что Акция национального покаяния – это путь не к разделению, а к восстановлению доверия между людьми, которое «в результате революции было подорвано». Более того, это «лучшее основание для будущего и для осознания современности». Он напомнил, что «таинство покаяния никогда не было индивидуалистическим, оно всегда соборное». Вместе с тем, священник подчеркнул, что инициаторы Акции не имели в виду только церковное таинство, ведь «каждый человек – духовное существо», каждый нуждается в преодолении внутренних разделений, поэтому «покаяние – общечеловеческий путь». Что касается осознания своей вины за преступления предков, то, по наблюдениям о. Георгия, более способны к покаянию как раз те, кто «менее причастны к преступлениям революции и советского режима», поскольку «они больше сохранили свою честь и достоинство, сохранили себя как люди, готовые брать ответственность».

В ходе пресс-конференции участники упоминали о том, что патриарх Кирилл назвал революционные события 1917 г. «великим преступлением». По словам о. Георгия, это, а также «нелицеприятные оценки» Сталина, которые давал председатель РПЦ и некоторые видные иерархи, дает надежду на то, что вся Церковь может поддержать Аксию национального покаяния. «Покаяние – это императив, связанный с познанием воли Божьей. Уверен, что в Церкви найдутся люди, которые возьмут на себя смелость и мужество, чтобы Церковь сказала свое слово, которое пока не произнесено. Идеально было бы, если бы Аксию покаяния возглавил патриарх или президент, но пока, боюсь, этого не произойдет», – сказал о. Георгий, отвечая на вопрос «Благовест-инфо». Впрочем, со стороны государства не только поддержки, но и желания заметить эту Аксию тоже пока не видно, добавил Андрей Смирнов.

Священник Георгий Кочетков

На что же надеются «Имеющие надежду»? «Только на Господа. Других оснований для надежды я не вижу. Тем важнее вовлечь в нее как можно больше народа», – ответил на вопрос журналистов режиссер.

Отец Георгий представил на пресс-конференции вышедший в рамках акции сборник молитв за Россию «Встань на помощь нам». В этой небольшой книжечке опубликованы молитвы, составленные русскими святыми, начиная с XVII в., а также церковными и общественными деятелями, писателями XX в. (в том числе – молитва А.И. Солженицына). В издании использована икона Ксении Кривошеиной «Русская Голгофа». Этот молитвослов «поможет увидеть, что традиция совместного покаяния народа крепкая, историческая, и её надо знать и ценить», отметил священник.

Как отмечается в пресс-релизе, к Акции национального покаяния «Имеющие надежду» присоединились сотни людей из разных городов России разных возрастов, национальностей, вероисповеданий, традиций, культур и политических взглядов. Среди них писатель Алексей Арцыбушев, историк тележурналист Николай Сванидзе, режиссер Андрей Смирнов; писатель, переводчик, бывший узник ГУЛАГа, внук главноуправляющего землеустройством и земледелием (1908–1915), председателя правительства Юга России Александра Васильевича Кривошеина Никита Кривошеин (Париж); председатель совета благотворительного фонда «Нужна Помощь» Дмитрий Алешковский; поэт Ольга Седაკова и другие.

Юлия Зайцева
Благовест-инфо
Фотограф: Алёна Каплина

Не все журналисты успели задать свои вопросы, и ведущий предложил им обращаться с вопросами об акции к команде сайта <https://pokayanie1917.ru>

Дмитрий Гасак и Андрей Смирнов

В Церкви в год столетия революции призывают активно увековечивать память о пострадавших за веру в советские годы

Новомученикам, репрессированным за веру в советские годы, нужно ставить памятники, а их именами называть улицы, считает глава синодального Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион. «Вот кому следовало бы ставить памятники, вот чьими именами надо было бы называть улицы и площади вместо того, чтобы искусственно поддерживать почитание палачей, террористов и убийц, увековеченных в названиях площадей и улиц многих городов нашей великой Родины», – заявил митрополит в среду в Петербурге на V пленуме Христианского межконфессионального консультативного комитета, посвященном осмыслению событий 1917 года.

Он напомнил, что в 1930-е годы счет жертв репрессий среди духовенства шел на десятки тысяч, а среди верующих – на миллионы.

«По данным Правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, в 1937 году было арестовано 136 900 православных священно- и церковнослужителей, из них расстреляно 85 300. В 1938 году арестовано 28 300, расстреляно 21 500. Общее же

число верующих, пострадавших в годы гонений, известно одному Богу», – отметил иерарх.

По его словам, к 1939 году по всей стране оставались закрытыми около ста православных храмов из более 60 тыс., действовавших в 1917 году. На свободе оставались лишь четыре правящих архиерея, «причем и на них в НКВД были сфабрикованы «показания» для ареста, который мог произойти в любое время».

Митрополит напомнил, что сейчас к лику новомучеников и исповедников Русской церкви причислены более 1760 человек, и назвал главной причиной революционных событий в России «духовное ослепление».

«В предреволюционный период год за годом под влиянием разных факторов Божия правда как основа народной жизни замещалась правдой человеческой. Евангельский принцип любви к Богу и ближнему – гедонистическими и эгоистическими фантомами. Образ Христа как идеал для подражания – фигурами бунтарей и богоборцев. Модные идеи либерального толка становились популярнее Евангелия. Разврат и пьянство – нормой жизни», – отметил он.

На V пленуме Христианского межконфессионального консультативного комитета. В центре – митрополит Иларион

Во встрече принимали участие представители православных, католических и протестантских христианских общин из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Литвы, Молдавии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины и Эстонии.

Интерфакс

Православную российскую провинцию он нашёл в не меньшей степени нуждающейся в религиозном просвещении, чем Алтай

170 лет назад скончался выдающийся миссионер прп. Макарий (Глухарев)

Архимандрит Макарий (Глухарев) (в миру – Михаил Яковлевич Глухарев) родился 30 октября 1792 года в Вязьме. Первоначальное образование получил в Вяземском духовном училище (1800–1803) и в Смоленской семинарии, где учился с 1803 по 1813 год, с перерывом в 1812 году, связанном с нашествием Наполеона. Обладал редкими способностями к языкам. В возрасте семи лет уже мог переводить короткие тексты с русского на латинский. В 20 лет выучил еврейский, немецкий и французский языки. При образовании второго курса Петербургской духовной академии в неё по Синодальному указу от 22 мая 1814 года из Смоленской семинарии в числе двух лучших учеников были отправлены Захарий Смирязин и Михаил Глухарев. Закончил он курс академии 10-м магистром; особо выделялись его письменные работы. Здесь наставником его на всю жизнь стал ректор академии архимандрит (в будущем митрополит) Филарет (Дроздов).

По окончании курса учения в 1817 году М.Я. Глухарев был назначен инспектором и профессором церковной истории и немецкого языка в духовную семинарию Екатеринослава. В этом же году он назначается ректором Екатеринославских уездного и приходского училищ. Здесь, в Екатеринославе, он был пострижен в монашество. На следующий день инок, нареченный Макарием, был рукоположен в сан иеродиакона, а ещё через три дня – в иеромонахи. В 1821 году был назначен ректором Костромской семинарии; в августе 1824 года Макарий, уже будучи архимандритом, получил согласно своему прошению отставку и направился в Киево-Печерскую лавру. Направляясь в Киев, он проехал через Саров, где получил предсказание старца Серафима о тяжёлом жизненном кресте, посетил и своего духовника старца Ливерия. Однако многолюдная Лавра показала ему слишком шумной, он переехал в Китаевскую пустынь, но и там не нашёл спокойствия и уединения. Оттуда написал прошение в Священный Синод о занятии должности библиотекаря в Московской духовной академии, но получил отказ. Уже в декабре того же 1825 года с позволения Синода он отбыл в Глинскую пустынь. Здесь он увидел то главное, чего не хватало российским духовным школам, несмотря на все проводившиеся реформы. Весной 1828 года он направил митрополиту Филарету свой труд «Мысли об улучшении воспитания общественного в духовном звании». Занимался он и литературной работой: переводил святых отцов («Исповедь» блаженного Августина, «Лествицу» Иоанна Лествичника, беседы Григория Богослова), написал ряд духовных песнопений.

17 февраля 1829 года подал прошение о переводе его в Сибирь и «употреблении» на дело миссии. Оно было удовлетворено, и уже в конце мая 1829 года Макарий получил назначение в Тобольскую епархию, где архиепископ Евгений (Казанцев) организовывал миссию по христианизации народностей, живущих в этом обширном регионе. Так начался страннический путь архимандрита Макария в Сибирь к новой пастве. Создание Алтайской духовной миссии затянулось до мая 1830 года; лишь 23 августа архимандрит Макарий с двумя сотрудниками – тобольскими семинаристами А. Волковым и В. Поповым – приехал в Бийск, который и стал центром Алтайской Духовной Миссии. По мере накопления опыта миссионерского служения архимандрит Макарий стал отдавать предпочтение использованию русского языка в деле христианского обращения и воцерковления. Для нужд христианского просвещения на рубеже он составляет пособия, причем не только для крещеных алтайцев, но и для проживающих русских: «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного Писания», «Алфавит Библии». Священное Писание в них цитировалось на русском языке. Ещё 23 марта 1834 года архимандрит Макарий в письме митрополиту Филарету доказывал, что Священные тексты нужно переводить с оригинальных языков: Ветхий Завет – с еврейского текста, а Новый Завет – с греческого.

В марте 1839 года, надеясь получить разрешение на издание переведённых им на русский язык ветхозаветных книг, Макарий приехал в Санкт-Петербург. К этому времени он уже перевёл две библейские книги: книгу Иова (1837) и книгу пророка Исаии (1839). Однако Синод постановлением от 14 апреля 1839 года «оставил прошение миссионера архимандрита Макария без действия».

В декабре 1840 года, после правки своих рукописей по переводам протоиерея Г.П. Павского, Макарий вновь, весьма резко, обратился в Синод за разрешением издания переводов. Синод вновь ответил отказом и издал определение от 11 апреля 1841 года: назначить ему [Макарию] при доме томского преосвященного епитимию сроком от трёх до шести недель, по усмотрению преосвященного, чтобы молитвой с поклонами он очистил свою совесть.

В 1844 году он был освобождён от миссионерской работы, но вместо разрешения отправиться в паломничество в Иерусалим получил направление в Болховский Троицкий Оптин монастырь Орловской епархии. Здесь – место последнего служения архимандрита Макария, продолжавшееся около трёх лет. Болхов по

сути стал для него продолжением миссионерской деятельности. Православную российскую провинцию он нашёл в не меньшей степени нуждающейся в религиозном просвещении, чем Алтай. Касалось это всех слоёв общества. Так, выяснилось, что даже городской голова не знал Символа веры.

Осенью 1846 года Макарий получил, наконец, разрешение на паломничество в Святую землю – годичный отпуск в Иерусалим, но отложил поездку до весны, а весной, закончив приготовления к поездке, смертельно заболел и 18 мая 1847 года тихо скончался. Его последними словами были: «Свет Христов просвещает всех».

Его перевод Ветхого Завета был посмертно опубликован в журнале «Православное обозрение» (1860–1867 годы) и использовался при работе над синодальным переводом Библии.

Канонизован в 2000 году юбилейным Архиерейским собором Русской православной церкви в лике преподобных «за праведное житие, равноапостольные труды по переводу Священного Писания на алтайский язык и распространение на Алтае веры Христовой».

Из произведений архим. Макария (Глухарева)

«Созерцая подобный небесам образ первой Церкви Христовой, начертанный в Книге Деяний Апостольских, мы видим, что она вся была Апостольской, что дружина действовала без ограничения ни числом двенадцати, ни числом семидесяти Апостолов, но возрастала с удивительной быстротою; что все верные или действовали непосредственно как Апостолы, или содействовали и помогали Апостолам; что между тем как Святой Петр, скованный двумя цепями, находился в темнице, из которой потом изведен был чудотворною десницею Ангела, Церковь прилежно молилась о нем Богу; что все принимали живейшее участие в деле Иисуса Христа, которое было своим для каждого, и между тем как одни приобретали Ему новых учеников, другие принимали на себя обязанность печься о бедных между новыми братьями; что не только все вещественное было у верных общим, но и сердце одно, единого ищущее и единого любящее, и душа одна, исполненная одних чувствований и помышлений, одних склонностей и отвращений, одних радостей и печалей, происшедших от живого сознания во всех и каждом общего всем назначения. Как чада света, по самому свойству света, который неминуемо сообщает себя всему тому, в чем противления не находят или в чем побеждает противление, они светили Христовым светом своей окружности, находились ли среди братии и в церкви, назидая и утешая друг друга и меняясь друг с другом разными благотворениями, или действовали на внешних, или действителям служили. Но как Господь Иисус Христос во веки Един и Той же и обещался не разлучаться с Своими до скончания века, то первая Церковь Его есть образец, которому Христианская Церковь должна подражать во всяком веке. И хотя внешние выражения, в которых открывается дух Евангелия, могут принимать изменения, но самый дух истинной Церкви Христовой всегда один и тот же – любовь к Богу и к человеку во Христе Иисусе. Чем изобильнее и явственнее сей дух чистой любви Божией в Христианской Церкви, тем более жизни и света Христова в сей Церкви. А чем

более жизни и света Христова в Церкви, тем в ней более ревности, усердия и способности к распространению благодатного Царствия Божия на земле, тем в ней имя Церкви Апостольской плодоноснее»

Из писем архимандрита Макария

«Лучшее, чего, кажется, надлежит пожелать миссионерским общинам, было бы подражание тому образцу единоначалия, послушания, порядка, единодушия, трудолюбия, которое видим в обществе пчел; но что мать-пчела между ними, тем Духу Христову подобает быть в обществе учеников и учениц Его, великое ли оно, малое ли. Итак, да будут избавлены сии дружины церковные от закваски саддукейской и фарисейской, но Дух Христов, Которого мысли, желания, намерения, действия изображены в Боговдохновенном Писании, Дух Христов да господствует в них; Он да подвизается в них, Он и да покоится, Он и повеления да изрекает, Он и послушание да проходит в них»

Архимандрит Макарий (Глухарев). Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры...

«А. Желаем, да будет у нас все общее: деньги, пища, одеяние, книги и прочие вещи; и сия мера да будет для нас удобностию в стремлении к единодушию.

Б. Желаем тому из нас, которому определением Начальства будет поручено особенное попечение о деле проповедания, повиноваться по правилам иноческого общежития как в поручениях, относящихся к проповеданию, так и в других отношениях и случаях; он же должен во всех своих распоряжениях руководствоваться также правилами общежития иноческого и теми постановлениями, какие мы от Начальства примем за руководство в служении проповедания.

В. Желаем принимать от него наставления со вниманием, смирением и любовью; а его наставления

должны проистекать из Слова Божия и быть согласными с учением Церкви Восточной и Греко-Российской.

Г. Желаем быть пред ним искренними и откровенными в частом исповедании помыслов и искушений наших и вместе с ним учиться у Господа уклоняться от зла и творить благо; он же обязуется всякое исповедание такое погружать в бездну милосердия Божия, отнюдь не обличая явно того, что ему будет открываемо за тайну; как в исправительных, так и во всех других мерах своих действовать в смиренной памяти о собственной немощи, по долгу любви и снисхождения к братьям, и беспристрастно принимая от них благонамеренные советы, полезные замечания, кроткие напоминания, в случае погрешительности поступков своих искренно виниться перед ними и просить у них прощения и пособия к исправлению своему.

По сим правилам жить и служить в проповедании Евангелия народам языческим, в Тобольской епархии живущим, желаем:

Архимандрит Макарий,
Ученик семинарии высшего отделения
Василий Попов,
Ученик семинарии низшего отделения
Алексий Волков»
Правила общины миссионеров.
Сохранились в письмах архим. Макария

*Мой Бог, мой Царь-Отец! Спаситель дорогой,
Пришел желанный день! Паду перед Тобой!
Еще я на земле, но дух Тобой трепещет.
Зрю! Светит горный луч, заря бессмертья блещет!*

Эти строки архим. Макарий написал незадолго до своей кончины

Май 1917: «церковная революция»

Говоря о событиях мая 1917 года, мы наконец обратимся к теме, которую было бы странно и дальше оставлять «за кадром». Конечно, эта тема – «сквозная», но в мае, когда по всей стране начали проходить епархиальные съезды духовенства, она впервые с февральских дней проявилась наиболее явно для всех. Эта тема – отношение Российской церкви к происходившим в 1917 году событиям. Нам важно понять и то, как сами эти события отразились на церковной жизни.

Конечно, к этой теме мы неминуемо вернемся в столетнюю годовщину открытия Поместного собора – в августе. Но очень важно поговорить и о том, что ему предшествовало.

Тема эта непростая, прежде всего потому, что подавляющее большинство народа, все более и более втягивавшегося в революционное безумие, формально считалось православным. Так что разграничить «касавшиеся церкви» и «не касающиеся церкви» события почти невозможно. Если же рассказывать только о священниках и архиереях, это неминуемо окажется ограниченно-клерикальным подходом. Тем не менее мы попробуем рассказать о каких-то характерных чертах «церковной революции» в надежде, что остальные материалы и этого номера, и последующих номеров дополнят наш рассказ.

Отношение церкви к Февралю

В февральские дни 1917 года Священный синод Православной российской церкви работал в обычном режиме. В архивах сохранились протоколы заседаний Синода в первые дни уличных беспорядков – 23–25 февраля. 26 февраля заседания как будто бы не было, однако порядковый номер последнего постановления от 25 февраля – 1192, а первого от 27 февраля – 1203. Товарищ обер-прокурор Синода князь Н.Д. Жевахов в своих мемуарах писал о том, что 26 февраля Синод все-таки собирался. В тот день Жевахов, в отсутствие обер-прокурора Н.П. Раева, предложил первенствующему члену Синода митрополиту Киевскому Владимиру выпустить воззвание к народу «вразумляющее, грозное предупреждение Церкви, влекущее, в случае слушания, церковную кару», однако никакого воззвания не последовало.

Вероятно, это было связано с тем, что не только среди церковного духовенства, но и непосредственно в Синоде¹ были сторонники происходивших перемен. Например, еп. Арсений (Стадницкий)² так описывал первое заседание Синода после Февральской революции: «4 марта, когда мы, члены Синода, пешком по грязи, старались проникнуть в здание Синода, охраняемое солдатами с ружьями... нас не хотели пускать. Явился обер-прокурор. И вот когда из зала заседания было вынесено кресло как символ цезаре-папизма в церкви Русской, я не мог сдержать себя и обратился с приветствием, что церковь свободна. Я предложил сложить нам свои полномочия. Но нам не позволили»³.

На этом заседании новый обер-прокурор В. Н. Львов от лица Временного правительства объявил об освобождении РПЦ от опеки государства и предоставлении Православной церкви полной свободы в управлении, сохранив за собой лишь право останавливать решения Синода, в чём-либо не соответствующие закону и нежелательные с политической точки зрения. Однако уже 7 марта В.Н. Львов было поручено представить правительству проекты о преобразовании церковного прихода и о переустройстве епархиального управления на церковно-общественных началах. Обер-прокурор заявил, что он и Временное правительство при решении церковных вопросов считают себя облечёнными полномочиями, которыми ранее обладала императорская власть. Попытка 6 из 10 членов Синода протестовать не увенчалась успехом.

И уже 9 марта в первом после февральских событий обращении Синода к народу говорилось:

«Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на её новом пути... Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской Державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного её устройства». Обращение подписали: Владимир, митрополит Киевский; Макарий, митрополит Московский; Сергей, архиепископ Финляндский; Тихон, архиепископ Литовский; Арсений, архиепископ Новгородский; Михаил, архиепископ Гродненский; Иоаким, архиепископ Нижегородский; Василий, архиепископ Черниговский; протопресвитер Александр Дернов⁴.

До получения распоряжений от Синода местные архиереи в дни революции по-разному поминали власти на богослужении. Например, епископ Томский Анатолий поминал «наследника цесаревича и его родителей, затем вел. кн. Михаила Александровича и Николая Николаевича». Вскоре почти все перешли на унифицированную форму поминовения о «Богохранимой державе и благоверном Временном правительстве».

Однако и позже некоторые священнослужители, например, священник Алексей (Вешняков) Троицкий Устьевской церкви Вологодской епархии на протяжении весны 1917 г. совмещали молитвы и о Временном правительстве, и о царской власти. Молитва о царе вплоть до конца марта и даже до середины апреля 1917 г. возглашалась и в отдельных приходах различных епархий, в пригородах Петрограда и в действующей армии. Основной задачей архиереев, судя по их письмам

в Синод, а также воззваниям к народу, опубликованным в прессе, было стремление успокоить смятение народа после отречения императора. Архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) призвал верующих в проповеди «уподобиться Государю императору Николаю Александровичу, который из-за любви к России... отрекся от престола своих благочестивейших предков, сложил с себя верховную власть, чтобы хорошо было общей родине»⁵. В апреле в своем пасхальном обращении к пастве он советовал подчиниться Временному правительству «и молиться о нем, пока весь великий народ не соберется на Учредительное собрание и не изберет себе властителя»⁶.

Впрочем, по мнению некоторых историков, проповеди архиереев вряд ли влияли на ситуацию в целом и на позицию их прихожан в частности: «Политическая эффективность выступлений епархиальных архиереев, не говоря уже о приходском духовенстве, фактически равнялась нулю... Можно предположить, что выступления высших иерархов имели влияние лишь на позицию рядового приходского духовенства»⁷.

14 апреля царский Синод был распущен. Единственным человеком, вошедшим в новый состав из старого, стал будущий патриарх, а тогда архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский). Также в Синод вошли экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), епископ Самарский Михаил (Богданов), а также протопресвитер Н. Любимов и протоиереи А. Смирнов, А. Рождественский и Ф. Филоненко.

Борьба «с реакционными владыками»

Один из архиереев, высказывавшийся в поддержку царя, – епископ Екатеринбургский Серафим (Голубятников) был уволен Синодом на покой после проповеди, в которой он назвал Временное правительство «кучкой бунтовщиков»⁸. Еще три архиерея были почислены на покой усилиями В.Н. Львова как самые одиозные представители «распутинского епископата» – Петроградский митрополит Питирим (Окнов), митрополит Московский Макарий (Невский) и архиепископ Тобольский Варнава (Накропин). Все остальные архиереи принесли присягу Временному правительству. Монархистами продолжали себя называть лишь два архиерея – архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) и епископ Пермский Андронник (Никольский)⁹.

Стоит подробнее остановиться на кампании в отношении известного миссионера и просветителя Алтая Макария (Невского). В 1917 году это уже был 82-летний старец, порой засыпавший за богослужением и не имевший сил реально управлять епархией. Дважды его уговаривали подать прошение на покой – один раз в Петрограде сразу после революции, где он находился на заседании Синода. С этой целью из Москвы приехала целая делегация во главе с Ю.Ф. Самариним, также в ней были М.А. Новоселов, П.Б. Мансуров, прот. Николай Любимов и другие известные церковные деятели. Отправленное по требованию Львова прошение Синод вернул владыке «как написанное под угрозой». Позже владыка вспоминал об угрозах со стороны обер-прокурора: «вынуждая меня подать прошение об увольнении... прибегал к угрозам включительно до заточения меня в Петропавловскую крепость». Вернувшись в Москву, митрополит Макарий под давлением духовенства написал второе прошение об увольнении, по которому был направлен на покой. Однако вскоре при поддержке епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского)¹⁰, в то время ректора Московской духовной академии, он отказался признать свое увольнение, т. к. считал незаконными действия обер-прокурора и части московского духовенства, на собраниях которого с требованием отставки митрополита «присутствовали учащиеся, солдаты, рабочие и лица женского пола... присутствующие громко бьют в ладоши, кричат и смеются. Это не собрание... а скорее... скопище»¹¹. 5 апреля по постановлению военного комитета местной гарнизона оба архиерея были подвергнуты домашнему аресту. Сам митрополит Макарий своего увольнения так и не признал и лишь в 1920 году, получив пожизненный титул митрополита Алтайского, перестал писать прошения в адрес сначала Поместного собора, а затем патриарха Тихона.

Тем временем революционные настроения при отсутствии должного управления епархией вели к тяжелым последствиям. В Даниловом монастыре Москвы произошел бунт: насельники изгнали своего настоятеля архимандрита Иоакима и «устроили в обители настоящий притон с местным самогонварением и девицами легкого поведения»¹². Направленный в монастырь член Синода прот. Николай Любимов признал, что положение там полностью соответствует описанному в прессе: «повсюду в кельях валяются окурки, на столах бутылки с вином и ханкою»¹³, а главный бунтарь иеродиакон Софроний не в состоянии был давать интервью по причине сильного алкогольного опьянения.

В Киевской епархии, третьей по значимости после Петрограда и Москвы, вообще сложилась ситуация многовластия. Образовавшийся после революции комитет духовенства и выбранный съездом епархиальный совет действовали параллельно с Консistorией и епископами. Комитет даже учредил должность комиссара по духов-

В качестве того, чья судьба и образ отражают тему месяца, мы на этот раз выбрали не очень широко известного архиерея, оказавшегося среди гонимых новой властью (уже после февральских событий, задолго до октябрьских) «представителей реакционного духовенства».

Священномученик Ефрем (Кузнецов) родился в 1875 году в семье забайкальских казаков. После смерти отца рос в крайней бедности. Позднее он вспоминал: «В раннем детстве Господь послал мне сиротство с его обычными в престолярной среде тяжелыми спутниками – бедной беспротестной, лишениями и болезнями. Но этот крест учил меня смирению, терпению, пониманию страданий ближнего и состраданию...» Окончил Нерчинское духовное училище, Иркутскую духовную семинарию, а в 1903 году – Казанскую духовную академию (в составе миссионерской группы монгольского отделения). После ранней смерти жены принял решение стать миссионером. Был председателем совета Читинского центрального миссионерского училища, помощником начальника духовной миссии. С августа 1905 года – начальником Забайкальской православной миссии. Был инспектором учительских курсов при Читинском миссионерском училище, сверхштатным членом Забайкальского епархиального училищного Совета, редактором «Забайкальских епархиальных ведомостей», состоял членом-казначеем церковного Братства Свв. Кирилла и Мефодия и Св. Иннокентия Иркутского. По его инициативе в Чите было построено двухэтажное здание для миссионерского училища. Специально для работы в миссионерских станциях здесь готовили псаломщиков и диаконов, изучался бурятский язык, история и практика миссии. В 1910 году возглавил процесс обращения в православие корейцев, бежавших в Россию после аннексии их страны Японией. Для религиозного просвещения корейцев, а также для изучения ими русского языка открыл катехизическую школу в Чите с пансионом, которая была и своеобразным центром корейского землячества.

Отличался правыми политическими взглядами. В 1907 году был организатором забайкальского отдела Союза русского народа. Участвовал в работе Съезда русских людей в Москве в сентябре-октябре 1909 года (так называемый «Восторговский» съезд), был одним из секретарей отдела церковных вопросов, выступал с докладом. С 20 ноября 1916 года – епископ Селенгинский, викарий Забайкальской епархии (кафедра была учреждена в том же году для более успешной организации миссионерской деятельности). В январе 1918 года выступал на Поместном соборе с докладом, в котором, в частности, дал оценку политическим процессам, происходившим в стране: «... что представляют собой переживаемые события в глазах верующего? Это кара Божья, вспомните, что творилось в последние годы в жизни государства, церкви, общества... Несомненно то, что виноваты в этом целые классы людей служения общественного, государственного, церковного. Гордыня, самомнение, неверие, отрицание, тупое стремление всё святое вытравить, попятить, разрушить, богоборство, подкуп под власть, порок во всей наготе – вот атмосфера, в которой протекала жуткая жизнь нашей Родины. И вот гнев Божий: война... Но это оказалось недостаточным, чтобы Русский народ... одумался и покаяться, даже напротив... Тогда Божьим попущением – крах государственного строя и революция с её беспредельным углублением...»

Во время работы Собора епископ Ефрем жил на квартире протоиерея Иоанна Восторгова, где и был 2 июня арестован ВЧК. 5 сентября 1918 года вместе с протоиереем Иоанном Восторговым, бывшими сенатором С. П. Белецким, министрами внутренних дел Н. А. Маклаковым и А. Н. Хвостовым, председателем Государственного Совета И. Г. Щегловитовым и рядом других лиц был как заложник публично расстрелян в Петровском парке в первый день после объявления красного террора. По просьбе о. Иоанна Восторгова палачи разрешили осуждённому перед смертью помолиться и попрощаться друг с другом. Все встали на колени, горячо молились, после чего подошли под благословение владыки Ефрема и отца Иоанна.

ним делам, на которую поставил священника Феодора Поспеловского. Тот требовал, чтобы его извещали обо всех «делах духовного управления»¹⁴. Митрополит называл комитет учреждением «самочинным... стремимся к захвату ему не принадлежащих прерогатив»¹⁵ и не признавал его. В это же время Киевская академия после заявлений Центральной Рады о территориальной автономии Украины и украинизации, резко изменила свое отношение к новой власти и выступила с протестом против «насиленной украинизации».

Архив Синода за 1917 год показывает, сколько писем отправлялось из разных епархий по поводу «реакционных» и «контрреволюционных» архиереев. Причем вопросом об увольнении таких епископов занимались не только обер-прокурор и Синод. Например, с просьбой удалить на покой викарного епископа Ефрема (Кузнецова) в Чите в связи с его «реакционной деятельностью как организатора черной сотни» председатель забайкальского Комитета общественной безопасности Г.А. Оболдуев обращался в Петросовет. После этого председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе требовал от обер-прокурора в составе Временного правительства В.Н. Львова «сообщить о принятых мерах». Одновременно и комиссар Временного правительства Н.К. Волков¹⁶ писал об этом вопросе Львову. В результате комитет предложил еп. Ефрему выехать из Читы в Петроград в распоряжение обер-прокурора, однако тот до пункта назначения решил не доезжать, не понимая причин такого обращения. Вообще же общее число арестованных при Временном правительстве епархиальных архиереев было невелико – восемь человек. Аресты были краткосрочными и вскоре архиереи были отпущены.

Май 1917: «церковная революция»

Начало на с. 5

Епархиальные съезды и выборность иерархии и клира

Начиная с апреля, но в основном в мае по России прокатилась волна епархиальных съездов, на некоторых из них было выражено недоверие правящим архиереям. Некоторые архиереи (епископ Тобольский Гермоген (Долганев)¹⁷, архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский)) смогли сохранить свои должности благодаря личному авторитету. Епископ Ярославский Агафангел (Преображенский)¹⁸ получил в мае 1917 года от епархиального съезда недоверие, но его сторонники провели ответную агитацию, в результате чего была отменена даже ревизия епархии со стороны Синода.

Три епархиальных архиерея получили недоверие от епархиальных собраний. Под ударом оказались и очень достойные архиереи, будущие священномученики, например, митрополит Серафим (Чичагов), об удалении которого из епархии (!) просило местное духовенство. Знаменательно то, что делегаты тверского епархиального съезда, прошедшего 20–25 апреля 1917 года¹⁹, были уже 28 апреля 1917 года допущены на заседание Синода, где предложили упразднить консисторию, а власть в епархии передать избранному на съезде Совету (епископу оставалось только право вето на решения Совета, которое могло быть преодолено Синодом).

Синод на происходящее реагировал по-разному, но старался примирить конфликтующие стороны. Митрополит Серафим был отправлен в четырёхмесячный отпуск (в декабре 1917 года удалён из епархии членами местного Совета рабочих и солдатских депутатов). Орловский епископ Макарий (Гневушев)²⁰ получил недоверие от прошедшего в мае 1917 года епархиального съезда и был уволен Синодом на покой (в ноябре 1917 года судная комиссия Поместного собора признала его невиновным). В мае 1917 года съезд духовенства и мирян Владимирской епархии выразил недоверие архиепископу Алексию (Дородницыну), обвинив его в связях с Распутиным (которому архиерей дарил книги с дарственными надписями), грубости, деспотизме и карьеризме. Архиепископ был в августе 1917 года уволен Синодом на покой, причём возможности выступить с оправданием ему не дали.

В мае 1917 года определение Синода «О привлечении духовенства и пастыри к более активному участию в церковном управлении» признало приходские собрания, благочиннические, уездные и епархиальные съезды, разрешив участие в них мирян. Синод установил целую вертикаль выборных органов: благочиннические съезды могли избирать местных благочинных, уездные съезды – членов уездных отделений епархиальных училищных советов и других уездных церковно-административных учреждений, а епархиальные съезды – членов духовных консисторий, епархиальных училищных советов, епархиальных попечительств о бедных духовного звания и остальных епархиальных учреждений. Однако все избранные лица утверждались либо местным епископом, либо Синодом. Выборность усилилась и в монашеской среде (где формально она отчасти существовала и прежде).

Однако воплощение принципа выборности в ситуации возмущения революционного безумия часто было далеко от его умозрительного идеала. Наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кронид (Любимов) рассказывал о том, как проходили выборы делегатов на майский съезд монашествующих Московской епархии: «До момента сего царившая в обителях тишина, мир, братская любовь и спокойствие вдруг поколебались; все мгновенно зашумело, образовались партии, и обители превратились в злобные митинги, и восташа брат на брата до сего дня. А в одном из монастырей... делегатом... братия выбрала худшего инока. Я спросил иноков, что заставило их избрать заведомо столь порочного человека, и они, нисколько не стесняясь, ответили: «Он нам обещал на съезде говорить против начальников»²¹. Согласно Временному положению о православном приходе от 21 июня 1917 года и священники избирались приходом (выборность была отменена Поместным собором в апреле 1918 года).

Духовные образовательные учреждения получили академическую автономию. Уже в мае 1917 года Определение Синода ввело самоуправление в Духовных академиях, где ректор, его помощник и все преподаватели избирались отныне на 4 года (с последующим утверждением духовной властью). Кроме того, духовные Академии получили право присуждать ученые степени без утверждения их Синодом.

Выборы архиереев прошли в Москве, Орле, Туле, Курске, Владимире, Харькове и Саратове. Следует отметить, что Синод иногда использовал право вето, а также в крайних случаях прибегал к назначению. Например, в 1917 году в Екатеринбурге было три попытки избрания архиерея, а в Рязани – две. Все они были признаны Синодом несостоявшимися. В итоге в ноябре 1917 года в обе епархии Синод назначил архиереев.

Но если в некоторых епархиях выборы архиереев звывали распри и нестроения, то в Петроградской епархии в мае месяце выборы правящего архиерея на альтернативной основе прошли на редкость спокойно. Духовенство и миряне, в частности, питерские рабочие, избрали на Петроградскую кафедру своего любимого викария епархии епископа Гдовского Вениамина. После своего

избрания епископ Вениамин заявил: «Я стою за свободу Церкви. Она должна быть чужда политике, ибо в прошлом она много от нее пострадала. Я приветствую новую жизнь Церкви, когда народ призван к живейшему участию в церковных делах. Самая главная задача Церкви сейчас – это устроить и наладить нашу приходскую жизнь». Митрополит свою главную задачу видел в единении верующих. Неслучайно он возглавил «Союз церковного единения», в который входили участники Общества религиозно-нравственного просвещения и Общества в память отца Иоанна Кронштадтского – протоиереи Философ Орнатский, П. Миртов, П. Лахостский, П. Кульбуш, А. Ставровский, П. Скипетров, И. Орнатский, М. Прудников и мн. другие. В августе 1917 года по инициативе протоиерея Философа Орнатского было учреждено Братство приходских советов Петрограда и Петроградской епархии.

Подход митрополита Вениамина по объединению и просвещению верующих, проявившийся и впоследствии вплоть до его расстрела в 1922 году, оказался наиболее действенным: благодаря этому реформы в Петроградской епархии были не разрушительными, а созидательными для церковной жизни. Там же, где такого собиранья не было, ситуация доходила до полного упадка. Но среди этого крушения и развала обнаружили себя те, на кого церкви можно было реально опереться – и среди архиереев, и среди клира, и среди мирян. Однако их оказалось слишком мало, чтобы спасти страну и даже просто взять на себя ответственность за ее судьбу.

Материал подготовила Анастасия Наконечная

¹ Напоминаем, что Синод был правительственным учреждением, и в него входили светские чиновники: обер-прокурор и его заместитель (товарищ обер-прокурора).

² Архиепископ Арсений был заместителем председателя Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов, но, по свидетельству других участников, «фактически руководил почти всеми соборными заседаниями». В октябре 1917 года на Соборе был один из трех кандидатов в патриархи (наряду с митрополитами Антонием (Храповицким) и Тихоном (Беллавиным)). С 29 ноября 1917 года возведен в сан митрополита. Поместный Собор избрал его членом Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Неоднократно подвергался арестам, последние 10 лет жизни провел в ссылке в Ташкенте. С 11 августа 1933 года – митрополит Ташкентский и Туркестанский. В связи с закрытием всех храмов Ташкента совершал богослужения под открытым небом, у кладбищенской часовни иконы Богородицы «Всех скорбящих Радосте». На эти службы стекалось до двадцати тысяч верующих из города и окрестных селений, молящиеся заполняли всю обширную территорию кладбища. Был духовным наставником архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) и умер на его руках в ташкентской больнице. Похоронен на Боткинском кладбище Ташкента.

³ Новгородские епархиальные ведомости. 1917. 1-15 июня.

⁴ Церковные ведомости. 1917. № 9-15. С. 57.

⁵ Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года. СПб, 2008. С. 47.

⁶ Кишиневские епархиальные ведомости. 1917. 2-9 апреля.

⁷ Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года. СПб, 2008. С. 59.

⁸ Там же. С. 55-56. Владыка был уволен на покой с назначением местопребывания в Московском Новоспасском монастыре, который в начале января 1918 года был обращен большевиками в застенок. Первым узником стал настоятель закрывшегося монастыря епископ Серафим. По всей видимости, он там и погиб в 1921 году.

⁹ Некоторые из архиереев (например, архиепископ Евлогий (Георгиевский)) считали, что тяжело отказываться «от идеи самодержавия», но с оговоркой, что лишь в «той возвышенной форме, как оно отразилось в наших церковных песнопениях», ибо эта «частная идея, к сожалению, не находила себе практического применения в нашей русской действительности... так как русский царь был окружен... тесным кольцом безответственных и темных влиятельных». Рогозный, с. 43.

¹⁰ Владыка Феодор (Поздеевский) с 1924 года почти беспрепятственно находился под арестом, в тюрьме или в ссылке. Расстрелян в 1937 году по делу «Даниловского братства». Вопрос о его канонизации пока открыт, возможно, потому, что принадлежал к крайнему крылу «непоминающих» (возглавлял т.н. «даниловскую оппозицию» митр. Сергию (Страгородскому)).

¹¹ Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года. СПб, 2008. С. 67.

¹² Там же. С. 69.

¹³ Утро России. 1917. 6 мая.

¹⁴ Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года. СПб, 2008. С. 73.

¹⁵ Киевлянин. 1917. 7 мая.

¹⁶ Н.К. Волков (член партии кадетов) был комиссаром, а потом товарищем министра в министерстве земледелия (поэтому ему очень логично было вмешиваться в церковные дела). Умер в эмиграции во Франции в 1950 году.

¹⁷ Священномученик Гермоген (Долганев) погиб в 1918 году. Был обвинен советскими властями в симпатиях к находившемуся в Тобольске Николаю II (есть данные, что бывший император и епископ простили друг другу прежние обиды), а также в попытках организовать помощь бывшим фронтовикам (большевики расценили это как стремление сорганизовать их в контрреволюционных целях). В июне 1918 года епископ и ещё несколько заключённых (священник села Каменского Екатеринбургской епархии Пётр Карелин, бывший жандармский унтер-офицер Николай Князев, гимназист Мстислав Голубев, бывший полицейский Екатеринбургской губернии Рушинский и офицер Ершов) были увезены в Тюмень и доставлены на пароход «Ермак». Все узники, кроме епископа и о. Петра, были расстреляны на берегу, близ села Покровское. Владыка Гермоген и о. Пётр погибли несколько позднее. Вначале их заставили работать на строительстве укреплений около Покровского, затем они были утоплены в реке Туре.

¹⁸ Священноисповедник митрополит Агафангел (Преображенский) был одним из местоблюстителей патриаршего престола, назначенных патриархом Тихоном. В 1922-1925 гг. был арестован, находился в заключении в одиночке, потом в ссылке. Скончался в 1928 году.

¹⁹ По воспоминаниям очевидцев съезд происходил крайне неблагоприятно, на заседании пахло «ханкой» (самогонкой), разговор велся в хамском нецерковном тоне.

²⁰ Священномученик Макарий (Гневушев) 4 сентября 1918 года по обвинению в «организации белогвардейского восстания» расстрелян чекистами в пригороде Смоленска. По воспоминаниям его дочери, четырнадцать приговорённых к смерти были доставлены в пустынное место за Смоленском и построены спиной к свежевырытой могиле. Палач подходил к каждому и производил выстрел в лоб. Владыка, находясь в конце шеренги, горячо молился за каждого из казнимых. Он был застрелен последним.

²¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 2000. Т. 10. С. 7.

Экклесиология остается «горячей» темой

Мы повсеместно обсуждаем самые разнообразные темы, но о такой я не слышал.

Мне кажется, причина здесь и в том, что люди вообще устали от конференций. Ведь разве является то, что движет людьми, результатом конференций? Афанасьев вдохновил целое поколение православных на Западе, а теперь и в России – и это действительно вдохновляюще! Но разве его собственные труды появились вследствие той или иной конференции? Конечно, нет.

Протоиерей Владимир Шмалий, научный сотрудник Общецерковной аспирантуры и докторантуры: Я думаю, что конференции по экклесиологии еще будут. Возможно, они будут межконфессиональными. Не так давно комиссия «Вера и устройство» Всемирного совета церквей опубликовала конвергентный документ по экклесиологии, плод работы нескольких десятилетий «Церковь: к общему видению». Продолжается православно-католический диалог; там ключевым является именно экклесиологический компонент, в частности вопросы примата и соборности. При Общецерковной аспирантуре и докторантуре действует исследовательский экклесиологический центр, проводятся семинары и иные научно-экспертные мероприятия. Они менее масштабны, чем общецерковная конференция 2003 года, но на них ведется важная исследовательская и экспертная работа. Кроме того, собственно и сама Синодальная библейско-богословская комиссия работает в экклесиологическом направлении: был подготовлен общецерковный документ по первенству во Вселенской церкви, осуществляется экспертиза общеправославных и межхристианских документов по экклесиологии. Так что серьезные дискуссии с участием нашей Церкви на международном уровне ведутся, и – пусть не в таких формах, как это было в 2003 году, и на иных экспертных площадках, но обсуждение экклесиологической тематики продолжается.

Что касается перспектив и проблем исследования, то мне кажется, что важно развивать не только нормативную, богословско-догматическую экклесиологию, но и дескриптивную. Когда я говорю о дескриптивной экклесиологии, то имею в виду в первую очередь историческую экклесиологию, историческое развертывание догмата о Церкви, святоотеческую экклесиологию, каноническое право. Кроме того, и компаративистскую экклесиологию в межхристианских контактах и диалогах. Но к дескриптивной экклесиологии могут быть отнесены и междисциплинарные эмпирические исследования церковных жизни и служения с применением методов смежных наук (этики, пастырского богословия), но также и – социологии религии, феноменологии религии. Состоявшееся утверждение теологии как академической специальности может быть полезно еще и потому, что богословы, наверное, смогут более систематически взаимодействовать со своими «смежниками».

Но проблема в том, что зачастую, говоря о реальных проблемах церкви, мы считаем, что мы их можем решить, «подкрутив» что-то там в теории, «доработать» экклесиологию. Был такой опыт у католиков. Второй ватиканский собор совершил экклесиологический прорыв, принял важное догматическое постановление о Церкви «Lumen gentium» («Свет народам»). Но выясняется, что в теории вроде бы всё хорошо, а на самом деле... Эта догматическая конституция с момента появления и до сих пор и интерпретируется, и реализуется по-разному. Гармоничное сосуществование института папства, коллегии епископов, народа Божьего нормативно в ней довольно гладко прописано, а в реальности всё действует куда сложнее.

Профессор Фессалоникского университета, президент Всемирной конференции ассоциаций богословских институтов Петрос Вассилиадис:

Если в первое тысячелетие жизни Церкви главной темой была *христология*, во времена модерна (в XX веке) – *экклесиология*, то насущные проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, связаны с *антропологией*. Тем не менее экклесиология останется в центре

Протоиерей Владимир Шмалий

Перед конференцией Свято-Филаретовского института «Евхаристическая экклезиология сегодня: восприятие, воплощение, развитие» мы продолжаем публиковать интервью, посвященные проблемам экклезиологии

внимания богословов, чтобы помочь институциональной церкви вернуться к её подлинной природе.

Профессор Батлеровского университета Пол Вальер: Это хороший вопрос, но у меня нет на него твердого ответа. Возможно, организации подобных конференций препятствует определенный пессимизм относительно самой возможности получения в наше время актуальных ответов на экклезиологические вопросы. Возможно, сказывается боязнь церковной иерархии услышать критические замечания в адрес церкви. Я не знаю.

Ректор Свято-Филаретовского института профессор священник Георгий Кочетков: Вопрос очень интересный. Думаю, это происходит прежде всего потому, что тематика очень острая и «горячая». Люди, имеющие разные воззрения на границы церкви, на роль иерархии, на экклезиологическую типологию, часто жёстко дискутируют друг с другом; это говорит о том, что вопросы устройства церкви продолжают волновать многих наших современников.

Кроме того, это сложная тематика, которая не терпит ни фундаменталистского, ни секуляристски-либерального подхода.

И третий аспект, на мой взгляд, немаловажный: среди острых вопросов экклезиологии не последнее место занимает вопрос о взаимоотношениях церкви с обществом, и особенно с государством. Этот вопрос обострился в XX веке, потому что константиновский период церковной истории исчерпал себя и в целом завершился. Кардинально изменились отношения церкви и государства, церкви и общества, так же как и церкви и культуры, да и отношения церкви с нашей цивилизацией. И это тоже повлекло за собой очень серьёзные последствия. Я имею в виду не только такие напрямую связанные с церковно-государственными отношениями проблемы как, скажем, вопрос о православном монархе или православной империи, об отношении к ним в церкви. Здесь необходимо обсуждать и поиск новых путей, выстраивание новых форм жизни церкви, причём, что особенно важно, внутренних форм, потому что ни для кого не секрет, что все канонические решения церкви, так же как и догматические определения, и литургические формы, созрели именно в константиновский период церковной истории. И когда всё это переходит в иной контекст, возникают неудобные вопросы, на которые пока многие не научились отвечать – а ещё большее число людей не научились даже понимать тех, кто пытается ответить.

Разные исследователи выделяют разные типы экклезиологий. Одни, обращаясь к истории, говорят об экклезиологиях епископской, имперской и монашеской; другие, говоря о сегодняшнем дне, отмечают поместно-приходскую, евхаристическую и общинно-братскую. А какие основные типы экклезиологий выделили бы Вы?

Митрополит Каллист (Уэр): Что касается меня, я принимаю евхаристическую экклезиологию в том виде, в котором она сформулирована митрополитом Пергамским Иоанном (Зизиуласом). Но я считаю, что он слишком акцентирует роль епископата и недостаточно допускает важность для экклезиологии традиции духовного отцовства и авторитета старцев.

Протоиерей Джон Бэр: Церковь – это тайна, как и Сам Христос является Тайной. Она может предстать в разных образах, ни один из которых не является исключительным или исчерпывающим. Это различные аспекты Тайны, и их гораздо больше, чем всё, с чем мы сегодня привыкли иметь дело. Епископальная, евхаристическая или приходская экклезиология – все это не охватывает наиболее существенных проблем, потому что то, что больше их, ещё не осмыслено. Я имею в виду такие образы Церкви как Матерь Божия или Новый Иерусалим.

Профессор протоиерей Джон Бэр

Протоиерей Владимир Шмалый: Ну, да, это всё модели, теоретические конструкции. Может быть, общинная экклезиология, о которой говорил о. Виталий Боровой, в большей степени соответствует описанию того, как церковь существует в реальности, по крайней мере в каких-то сегментах своей жизни. Не знаю. Я не очень знаком с этим типом экклезиологии. Но вот – евхаристическая экклезиология, она-то, казалось бы, должна опираться на реальность евхаристического опыта, а в результате оказывается ещё одной теоретической конструкцией. Или когда мы говорим о епископской экклезиологии, о власти епископа, особенно учительной, то понимаем, что в конкретной ситуации она не безусловна. И даже церковный собор – это не место, где «немедленно будут получены безошибочные указания Духа Святаго, если вся процедура выполнена верно». Повторюсь: если мы думаем, что можем решить практические вопросы путём совершенствования теоретической экклезиологии, мы, как мне кажется, сильно заблуждаемся. Поэтому я и считаю, что сегодня важна экклезиология не только как догматическая дисциплина, в которой говорится о том, что такое Церковь, что она делает, и, соответственно, предлагается нам как предмет догматической веры, но и экклезиология, описывающая, как реально веками жила и служила и сегодня живет и служит Церковь.

Безусловно, дескриптивная экклезиология не может существовать без нормативной. Это верно для всех дескриптивных теологических и используемых теологией смежных дисциплин по отношению к догматической норме. Но понимание того, как церковь (жила) живёт в реальности – это важная для богословов вещь. И если говорить в дальнейшем о каких-то больших экклезиологических конференциях, то, как представляется, их нужно было бы проводить, в том числе учитывая церковно-практические задачи, проблемы взаимодействия церкви и общества, принимая во внимание культурный, языковой, социально-политический контекст и привлекая специалистов смежных научных специальностей.

Профессор Петрос Вассилиадис

Профессор Пол Вальер: Все эти типы экклезиологий действительно упоминаются в богословских дискуссиях. Я бы добавил в это список ещё один пункт: миссионерскую экклезиологию, отражающую образ Церкви свидетельствующей или даже самой Церкви как свидетельства. И, может быть, ещё один: экклезиологию встречи, в том числе взаимодействия с культурой и обществом. Возможно, это ещё один аспект миссионерской экклезиологии. Я не вполне уверен в этом, но в список этот пункт я бы добавил.

Священник Георгий Кочетков: В своё время я предложил новую типологию христианской экклезиологии. Мне представляется, что самым естественным развитием того, что нашёл и описал лучший экклезиолог XX века отец Николай Афанасьев, было бы некоторое уточнение и детализация, выстраивание «новых этажей» в том образе устройства церкви, который отец Николай описывает как норму. И с этой

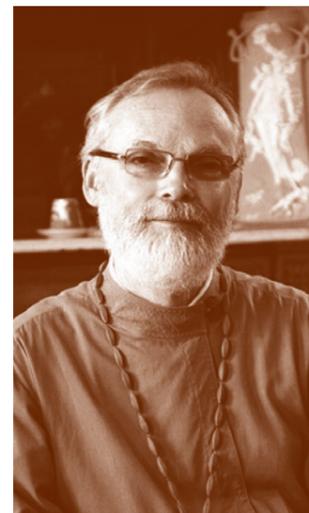
точки зрения наиболее естественно говорить о раннехристианской, апостольской экклезиологии прежде всего как об экклезиологии общинно-братской, когда церковь была синонимом любви к Богу и к ближним, когда соответствующим образом выстраивались все взаимоотношения в церкви, во всех общинах. При этом церковь ещё не воспринималась как институция, как учреждение не только юридическое, но даже каноническое. Если правила и существовали, они могли сильно варьироваться в разных церквях. Оставались некие евангельские и апостольские основы, но и они быстро менялись.

Эта экклезиология реально осуществляла себя в истории церкви где-то в первые два века. А потом сменилась тем, что отец Николай Афанасьев удачно назвал евхаристической экклезиологией, которая была уже экклезиологией поместной, связанной с территорией, с землёй, с определённым делением, членением этой территории, когда во главу угла становится Евхаристия и евхаристическая община как собрание церкви, прежде всего, в разных городах. Такое собрание, может быть, уже мало ощущало нужду в пророках, но очень ощущало нужду в старшем на евхаристическом собрании, в старейшем пресвитере, из которого потом, на последующем этапе, и вырастает фигура епископа со служением, отличным от пресвитерского.

Евхаристическая экклезиология замечательно описывает роль в церкви живого евхаристического собрания, где каждый знает своё место, хотя и немного, может быть, уже в ветхозаветном духе или в духе формализации отношений, когда, в отличие от общинно-братской экклезиологии, важна не личность человека, а его церковная функция. Однако этот период церковной жизни, длившийся где-то с конца II и до середины III века, был намного лучше, чем то, что последовало за ним, когда настала эпоха поместно-приходской или поместно-диоцезальной экклезиологии. Приходской в смысле «парикии», т.е. определённой территории, сначала больше городской, потом также и сельской, которую должен был возглавить как свой диоцез именно епископ (иногда вместе с хорепископами).

Епископ становится центральной, определяющей фигурой в церкви. Здесь в центре уже не Евхаристия. Если в общинно-братской экклезиологии было важно определение церкви как той общности, той общины, того братства, посреди которого присутствуют Христос и Дух Святой, живое откровение Святой Троицы, Её благодати, то в евхаристической экклезиологии в центре стоит сама Евхаристия под председательством старейшего пресвитера, а в поместно-приходской экклезиологии в центре стоит епископ, вокруг которого собирается пресвитериум, и вокруг него собирается уже весь народ Божий, который всё больше и больше ассоциируется с «мирянским чином», т.е. с людьми «мирскими» или «житейскими». Происходит разделение между клиром и мирянами, между посвящёнными и непосвящёнными, о чём прекрасно писал отец Николай Афанасьев. Выстраивается церковная иерархия, такая, которая нам сейчас хорошо известна.

Однако мне представляется, что сейчас следует говорить ещё и о четвёртом типе экклезиологии – клерикальной. Она долгое время существовала и до сих пор в каком-то смысле существует в Западной, Римско-католической церкви, но в конце XX – начале XXI века ярко проявила себя и в некоторых православных поместных церквях, даже, может быть, в большинстве из них. Но такую экклезиологию я считаю уже не вполне православной. Она должна быть подвергнута радикальной критике для того, чтобы вернуться к истокам церковного устройства – если уж не сразу к общинно-братской экклезиологии, то хотя бы к поместно-приходской или евхаристической.

Профессор священник Георгий Кочетков

Профессор Пол Вальер

Вопросы задавали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина, Софья Андросенко

Перевод с английского ответов митрополита Каллиста (Уэра), профессора протоиерея Джона Бэра, профессора Петроса Вассилиадиса и профессора Пола Вальера – Тамара Фадеева и Александра Колымагина под редакцией Софьи Андросенко

В МГУ состоялась научная конференция «Столетие Революции 1917 года»

Начало на с. 1

Стереотипы до сих пор живы как в науке, так и в сознании тех, кому за сорок: «Триумфальное шествие Советской власти», «красные побеждают», «белые плохие». Но любая революция и гражданская война – это, в первую очередь, трагедия. Это разбитые семьи, это не просто физически уничтоженные люди, это ещё и мировоззренческая трагедия – когда отец думает по-другому, чем сын, жена может предать своего мужа. И мы с этим сталкиваемся».

Обсуждение проходило в 15 тематических секциях, и на многих из них хотелось побывать, но по понятным причинам «Кифа» оказалась на секции «Революция 1917 года в России и церковь». Она действительно оказалась самой интересной – её участники, так и не прервавшись на обед, продолжали обсуждение вплоть до вечера – другие аудитории к этому времени уже давно опустели.

В работе секции участвовали специалисты по новейшей истории церкви – среди них А.Л. Беглов, Г.М. Запальский, Н.А. Белякова, Ф.А. Гайда. Интересных тем было заявлено много, они касались и подготовки Поместного собора, и отношения христианских конфессий к

событиям 1917 года, и церковно-государственным отношениям (в том числе в правовом аспекте)... Одним из наиболее интересных был доклад А.Л. Беглова, посвященный жизни приходов в разные периоды 1917 года и названный «От приходской революции» – к «церковному термидору». Начавшись описанием настроений, вызванных повсеместными выборами священников (очень часто происходившими совершенно нецерковно из-за расцерковленности народа) и жестким требованием снизить до минимума плату за требы (что усугубило начавшееся в первые годы войны окончательное обнищание сельского духовенства), этот период закончился перед лицом наступающих (и уже во многом наступивших) гонений тем, что никак не получало раньше: во многих приходах начал определяться «костяк», та часть прихожан, которые были верны церкви и готовы взять на себя ответственность за её жизнь.

Значительную часть времени заняла дискуссия, которая сначала сосредоточилась на ожидаемом противостоянии между находящимися в жесткой полемике М.А. Бабкиным (главный тезис которого состоял в том, что духовенство

и иерархия сыграли активную, если не решающую роль в свержении царской власти) и Ф.А. Гайдой, едко высмеивающим эту позицию*.

Однако после завершающего доклада одного из соведущих секции, зав. кафедрой истории Церкви проф. В.В. Симонова, дискуссия перешла в другое русло, стала многоплановой и обращенной к проблемам сегодняшнего дня. Это неудивительно: в своем сообщении «Отзвуки 1917 года через столетие: современный кризис институционального христианства» профессор (являющийся одновременно клириком церкви свт. Николая в Отрадном архим. Филиппом) на примере кризисных явлений, отмечаемых во всех христианских конфессиях, невольно развернул слушателей от одного из двух классических «русских вопросов» – «Кто виноват?» – ко второму: «Что делать?».

К сожалению, в газетной публикации невозможно привести все последовавшее обсуждение, в котором затрагивались и темы миссии (особенно миссии среди студенческой молодежи), и проблемы взаимоотношений церкви и общества, и вызовы «гендерного кризиса». Тем не менее мы публикуем часть дискус-

Шуваловский корпус МГУ им. М.В. Ломоносова

сии, которую можно рассматривать как сравнительно целостный фрагмент, касающийся вопросов о глобализации, секуляризации и десекуляризации.

* Того, кто заинтересовался этим сюжетом, отсылаем к статье Ф.А. Гайды «Священство и царство в жанре фэнтези» (Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/svyashhenstvo-i-carstvo-v-zhanre-fentezi/>)

Фрагменты дискуссии, завершившей работу секции «Революция 1917 года в России и церковь»

Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета проф. В.В. Симонов (архим. Филипп)

А.Л. Беглов: Как Вы относитесь к концепции Бергера о десекуляризации*?

Архим. Филипп (Симонов): То, что мы принимаем за десекуляризацию, то есть нарастание некоей интенсивности «духовного» поиска (я ставлю это слово в кавычки, так как духовность бывает разная), является все-таки тенденцией неоднозначной. Глубину веры мы измерить не можем, так же как не можем измерить и качество веры. Если человек говорит, что послужит своей верой, молитвой и постом, как дочь Фануилова Анна, я понимаю, что это говорит о конкретном духовном качестве. Если он этого не утверждает, но говорит о какой-то отвлеченной духовности, я не могу её квалифицировать, пока он сам не расскажет о ней, как сказано: «Не всякому духу веруйте, но искушайте духи» (1 Ин. 4, 1).

Недавно состоялась достаточно информативная дискуссия относительно того, что те варианты десекуляризации, которые мы сегодня наблюдаем, означают возврат к образам мышления, основанным даже не на традиционном христианстве, а на принципах языческого суеверия.

Вопрос: Можно ли сказать, что проблема «двоеврия» стояла перед церковью и в древности?

Архим. Филипп (Симонов): Народный магизм действительно сопровождает Церковь на всем пути её развития. Вначале это некоторые элементы язычества, которые продолжают сохраняться довольно долгое время и против которых, кстати сказать, апостолы не слишком протестуют, если вы помните известный пассаж касательно идоложертвенного мяса (1 Кор. 10, 23-33). Смысл его таков: если мясо будет соблазнять брата моего, то не буду есть мясо вовек – не потому, что я не должен его есть, а потому, что я другим соблазн подаю. В то время почти единственный для простого народа способ получения мяса в пищу – получение его на идоложертвенной трапезе: закололи, скажем, корову,

лучшую часть сожгли в жертву богам, а мясо раздали присутствующим на жертвоприношении. Апостол готов есть это мясо. Он не считает это большим грехом: «Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для [спокойствия] совести. Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, – то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Ибо Господня земля, и что наполняет её. Совесть же разумею не свою, а другого: ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?» (1 Кор. 10, 27-29).

Этот древний магизм в течение всего Средневековья периодически приходил с востока (в виде манихейства, павликианства и т. п.) и каким-то образом по-разному поддерживался, возникали различные ереси... Вообще же некая магическая традиция возникает естественно и существует в качестве бытовой. Пришел человек с покоса, и зуб у него заболел, ну что он сделает? Конечно, возьмет икону священикомученика Антипы и погрызет её. Ну как ещё от зубной боли вылечиться? Никак. В хранилище Исторического музея есть несколько таких погрызанных икон. Я крайне удивился, когда их увидел. Вот живой образец «хорошей древней православной традиции». В процессе же глобализации то, что раньше было естественной бытовой чертой, насаждается специфически, нарочито. И не встречает сопротивления.

Вопрос: Кем насаждается?

Архим. Филипп (Симонов): Нами самими. Мы не оказываем сопротивления. Вы на Богоявление в одну церковь ходите за водой? А некоторые ходят в семь. Потому что вода будет хорошей, только если собрать её везде. А если в шести, то будет уже плохая, не та. И мы, духовенство, молчим на эту тему. В результате это древнее язычество насаждается невозбранно, либо формируются какие-то новые ужасающие обычаи. Почему-то надо свечку зажечь и по углам ходить с ней в доме. Муж от вас ушел, предположим, значит, нечистая завелась; зажигайте свечку и по углам идите. Зачем? Я не знаю. Я не пробовал. Но то, что народ занимается этим системно, я знаю. И таких вещей много, причем не только у нас. У католиков тоже подобного немало.

Вопрос: Хотелось бы вернуться к вопросу десекуляризации. Если не ошибаюсь, с 60-х годов XX столетия самыми миссионерски успешными являются пятидесятники. Их пророст каждый год измеряется в тысячах, если не в миллионах. Не говорит ли это просто об очередном изменении характера религиозности, сопоставимом с ситуацией XIII столетия, когда ни с того ни с сего был всплеск появления сект, на который Католическая церковь смогла ответить появлением нищенствующих орденов? И в XVI веке происходит то же самое (в ответ на появление протестантизма появляется, пусть и с опозданием, орден иезуитов). То есть в какой-то момент люди начинают стараться жить по Евангелию и появляется такой всплеск. Хотя процент этих религиозно-активных людей всегда очень небольшой, от него может не все зависеть.

Архим. Филипп (Симонов): Мы же сейчас только об этом и говорили – о разных типах религиозности, о разной «духовности». И то, что Вы говорите, упирается только в одно – в то, насколько устойчива эта тенденция, чем заканчивается этот «всплеск». Если человека вытащить из этой новой религии можно будет только через костер, тогда это устойчивая тенденция. А если он сегодня пошел к пятидесятникам, а завтра марихуану покурить куда-нибудь на углу – это совершенно другое. И вот этой устойчивости пока не наблюдается.

«Кифа»: Хотелось бы от Средневековья вернуться в 1917 год, от которого мы отталкиваемся, потому что в нашей конкретной ситуации нам его все равно не обойти. Недавно Владимир Легойда сказал, что Церковь несет часть ответственности за события 1917 года. И мы тоже (ведь мы та же самая Церковь) эту ответственность на себе несем, и, не решив каких-то проблем церковным образом, не решим наших сегодняшних проблем. Но мы можем попасть в ловушку, когда кто-то будет обвинять Церковь в том, в чем она не была виновата, и начнем защищаться, и перестанем думать о том, как каяться в том, за что мы действительно ответственные.

Архим. Филипп (Симонов): На мой взгляд, на Церкви, несомненно, лежит вина именно потому, что она слишком институционализировалась. Она больше стала институтом, чем Телом Христовым. И государство на нее влияло, но и сама она тоже была не против. А народ при этом потихоньку возвращался к языческому веру. Не так давно ещё, ста лет не прошло, в Рязанской епархии был такой обычай: молебен о дожде послушить, потом уложить батюшку прямо в ризах на стерню и так по полю прокатить – и дождь обязательно пойдет. И в прошлом столетии, накануне революции, народ так же уходил в эту языческую древность: как часто куличи, пасхи, блины закрывали собой образ Христов!.. При этом и качество духовенства было, действительно, очень своеобразным – мы у Лескова для XIX века «замечательные» вещи о нём читаем. Об архиереях читаем меньше, но тоже «всё хорошее».

Не бывает, чтобы все были святыми, и тут вдруг случилась Октябрьская революция.

Что же касается необходимости «защищаться от ложных обвинений» – не надо защищаться. Если что-то объективно существует, значит, мы спорить не сможем. А если необъективно, то – дайте время суду Божьему. Помните, как сказано в Деяниях: «если это предприятие и это дело от человека, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; [берегитесь], чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян. 5, 38-39).

В отношении Церкви я всегда стараюсь придерживаться именно этой мысли.

* В 1999 году известный американский социолог Питер Бергер выпустил сборник статей разных авторов под названием «Десекуляризация мира». Термин «десекуляризация» обозначает тенденцию возрождения религиозности, проявляющуюся как в глобальном, так и в региональных масштабах, и опровергающую утверждения приверженцев секуляризма о том, что религия и религиозная жизнь исчезает или сводится исключительно к сфере частной жизни лица по мере повышения образованности населения и развития демократического общества.

Первый начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме

Архимандрит Порфирий (Успенский)

В XIX веке по мере ослабления Османской империи интерес Российской державы к Ближнему Востоку стал быстро расти. Он обуславливался не только экономическими и геополитическими соображениями, но также религиозными вопросами. Православное государство претендовало на роль опекуна всех православных христиан Высокой Порты и стремилось к близким связям с восточными патриархами.

Чтобы правильно выстроить свою политику, Россия нуждалась в церковных, культурных и научных связях. Особенно важны они были в Палестине, куда устремлялся взгляд многих верующих.

Идея организации Русской духовной миссии, как говорится, витала в воздухе. И перед самой Крымской войной такая миссия, действительно, появилась. Первым начальником её стал архимандрит Порфирий (Успенский) (1804 – 1885), востоковед, филолог, археолог, закончивший свою жизнь в сане епископа. Выбор его фигуры объяснялся тем, что он хорошо знал греческий и европейские языки (французский, итальянский, немецкий) и имел опыт общения с православными христианами за границей, будучи настоятелем посольской церкви в Вене.

Отец Порфирий родился в Костроме, в семье соборного псаломщика. Юный Константин (его мирское имя) окончил семинарию в родном городе и Духовную академию в Санкт-Петербурге. Перед самым её окончанием принял монашеский постриг, вскоре его рукоположили в сан иеромонаха. Порфирий много преподавал, трудился на ниве духовного просвещения. В 1838 году его назначают ректором Херсонской семинарии. Впрочем, его пребывание в этой должности продолжалось всего два года. В ноябре 1840 года последовало его назначение настоятелем посольской церкви в Вене.

Впервые архим. Порфирий приехал в Палестину в декабре 1843 года. Его послали не как официальное лицо, а как простого богомольца, чтобы он смог осмотреться, собрать не спеша необходимые сведения и подготовить почву для будущей миссии. Впрочем, шила в мешке не утаишь. По Иерусалиму стали циркулировать слухи, что новый приезжий прислан сюда в качестве русского консула. Духовные и светские власти отнеслись к о. Порфирию как к официальному посланнику Российской империи. В скорлупу частного лица ему залезть так и не удалось.

Дневник отца архимандрита повествует о его пребывании на Святой земле. Первая картина Иерусалима: «Мы взобрались на высокую гору, и спустя 1/2 часа увидел я иерусалимскую крепость и часть стены, примыкавшей к ней. “Иерусалим! Иерусалим!” – все закричали. Сердце мое затрепетало, но радостно. Я снял камилавку, перекрестился три раза и творил молитву: “Боже, милостив буди мне грешному”. Вот чувство, возродившееся при первом взгляде на Св. Град. Оно продолжалось не долго, но было отголоском сознания души, а не рассудка, которому я не позволял на этот раз светить»¹.

В Святой град Порфирий прибыл 20 декабря 1843 года. Ему навстречу вышли греческие архиереи, архимандриты и русские богомольцы. Такая встреча свидетельствовала о том, что его приезду ждали. Ему предложили разместиться в патриархии, но он предпочел Феодоровский монастырь, где обычно находили приют русские поклонники.

Отсюда он совершает свои многочисленные поездки, знакомясь с археологическими древностями и жизнью христианского населения Палестины.

В его дневнике мы встречаем замечательные картины Святой земли. Вот, скажем, он странствует по склонам Кармила: «Мы ехали, можно сказать без преувеличения, прекрасным садом: все деревья и кустарники цвели роскошно; лавровые деревья здесь такие большие, зеленые, роскошные; они цвели, цветочки на них в роде желтого пушка и весьма сладки оттого, что покрыты медовыми частицами. С жадностью я впивал в себя бальзамический воздух, напоенный душистыми испарениями цветов и цветущих кустарников»².

Путешественники шагают легко, их разговор живой и в пути они допускают незлые шутки: «С одноко дерева мы срывали ветки с несколькими шишками оливкового цвета; эти шишки с комочками и очень легки, потому что пусты внутри, не малы, величиною с малую грушу: мы прозвали их фараоновыми сливами, желая подтрунить над слепым Григорием, который забирал все палочки с Кармила, когда уверяли его для забавы невинной, что подобные палки носили пророки. Бедный, он возил их по целым дням и потом бросал, когда я отвечал ему на вопрос его, что над ним шутили»³.

Отец Порфирий побывал в Вифлееме, в монастыре св. Саввы Освященного, на Иордане, в Галилее, в Иудее. Он увидел жалкое состояние православных храмов, нищету местного духовенства, особенно арабских священников. Столкнулся он и с распушенностью нравов монахов и церковных топ-менеджеров, не желавших обустроить церковную жизнь арабской паствы. Большинство епископов Иерусалимского патриархата предпочитали жить в патриархии и редко бывали в своих епархиях.

С любовью о. Порфирий отнесся к православным арабам: «Когда я приехал в Палестину, то греки говорили мне про арабов, что они ленивы, что все они разбойники и что они крайне непостоянны в вере. Но во время путешествий по Самарии и Галилее я получил понятие, совершенно противоположное объяснению греков. Поля и сады везде обработаны и обработка садов, особенно в горных странах, весьма многосложна и трудна... Всеми полевыми и садовыми работами занимаются мужчины, а женщины и девицы носят на себе все тяжести: воду в мехах или в кувшинах, которые я не мог приподнять обеими руками, дрова на голове и на спине и сверх всей ноши ребенка»⁴.

Первый начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме

«Арабы в течение второго тысячелетия хранят твердо веру православную, несмотря на гонения магометан и при всей темноте их пастырей. Поразительно их детская простота, с какой они молятся в своих храмах», – замечает отец архимандрит⁵.

Впрочем, есть у него и критические высказывания: «Деньги для араба не пол бога, а бог. Скажи арабу: здравствуй, а он тотчас скажет: бакшиш»⁶.

Разобравшись с ситуацией в Палестине и теми проблемами, которые необходимо здесь решать, о. Порфирий стал готовиться в обратный путь. 1 сентября 1844 года он прибыл в Константинополь и прожил здесь до конца года, составляя отчеты о своей поездке. Также он подготовил два отдельных доклада «О состоянии Палестинской Церкви и о мерах поддержания её» и «О спорах греков, латинян и армян на святых местах и о способах водворения тут мира». По просьбе российского посланника Титова он пишет проект устройства и организации миссии.

Главный акцент в этом проекте сделан на защиту православия на Востоке. Отец архимандрит мечтает сделать миссию своеобразным центром духовной жизни, которая бы не только заботилась о русских богомольцах, но и стала бы душой палестинского духовенства, пеклась «об истинном просвещении», стала «образцом нашего благолепного служения». Он предлагает создать в Святом граде русский монастырь на Елеоне и при нем духовное училище. Этот монастырь, по мысли автора, будет передавать Святогробскому братству все пожертвования из России и следить за разумным их использованием. Особенно настаивает «иерусалимский архимандрит» на независимости миссии от консульства, на разведении духовной и светской политики, что на практике сделать крайне сложно.

Следующие два года о. Порфирий занимался учеными трудами в Синайском монастыре св. Екатерины и на Афоне, а по возвращении на родину стал готовиться к новой поездке в Палестину.

В 1847 году высочайшей резолюцией императора Николая I Русская духовная миссия была учреждена. И вот её первый начальник со своими спутниками отправляется в Одессу, оттуда в Константинополь, Смирну, Бейрут. Здесь они садятся на коней и едут берегом Средиземного моря через Акру и Хайфу до Яффы, осматривая по дороге достопримечательности. От Яффы, предместья нынешнего Тель-Авива, путь в Иерусалим лежит через невысокие горы.

17 февраля 1848 года «иерусалимский архимандрит» вступает в Свя-

той град. При нем рекомендательное письмо от столичного митрополита Антония к патриарху Иерусалимскому Кириллу, в котором говорится, что честной отец, посетив восточные святыни, пожелал возвратиться и пробыть при Святом Гробе несколько лет, что Св. Синод благословил его на то, и воспользовался случаем, дабы отпустить с ним иеромонаха Феофана (будущего святителя Феофана Затворника) и двух воспитанников Санкт-Петербургской семинарии – Соловьева и Крылова, разделяющих такое богоугодное желание⁷.

Наблюдая характерные для Иерусалима бесконечные мелочные дразги представителей различных конфессий, Порфирий приходит в негодование. По своим политическим взглядам он был монархистом, по церковным – вполне ортодоксальным человеком, но не фанатиком. Он верил, что вся полнота Истины содержится в православии. И в то же время допускал совместную молитву с инославными. Он не раз останавливался в католических монастырях, разделял с католиками и армянами общую трапезу и молитву перед едой. Порфирий считал, что все христиане должны иметь равный доступ к святыням, чтобы там молиться.

К сожалению, самому ему не всегда удавалось осуществлять свои благие намерения. Так, в Страстную пятницу 1844 года он хотел прочесть 12 Евангелий на Гробе Господнем. Но католики не разрешили ему это сделать, ссылаясь на то, что на Гробе служит их епископ. В Страстную пятницу по заведенной традиции у святыни могли служить только католики и те, кого они приглашали.

Отец Порфирий считал, что нужно прекратить бесплодные споры, позорящие всех христиан, отказаться от стремления обладать святыми местами и обеспечить всем верующим свободный доступ к местам поклонений.

В Святогробском храме, по наблюдению о. Порфирия, находилось 20 алтарей, в которых служили «разноплеменные и разноверные христиане»⁸. И все чего-то хотели друг от друга.

В разговоре с францисканцами русский посланник предлагает такой способ выхода из ситуации с починкой купола храма Воскресения: «Триста лет с лишком продолжают здесь пренебрежение о святых местах... Изберем сообща хозяином сих мест турецкого султана, упросим его хранить и обновлять вверенные ему Провидением святилища Иерусалимские, но обновлять совершенно с зодчеством христианским и в прежнем виде; тогда все споры, тяжбы, неприязни перестанут и здесь водворится спокойствие неба»⁹.

Идея отца архимандрита была воспринята холодно. Аппетиты католиков подогревались колониальной политикой. И в разговоре с османской властью они апеллируют не к справедливости, а к силе. «Турки и французы в Константинополе занимаются рассмотрением судебного дела о святых местах. Последние требуют себе многих святынь иерусалимских в силу договора своего с Портою в 1749 году», – записывает о. Порфирий в дневнике 6 июля 1851 года¹⁰. Какой уж тут межконфессиональный диалог. Отдавай, иначе пришлем военную эскадру.

Справедливости ради стоит сказать, что подобный способ говорения не был чужд и русским официальным лицам. Скажем, генеральный консул в Сирии и Палестине К.М. Базили нередко улаживает конфликты с помощью виртуальной дубины. Так, на Пасху 1843 года произошло столкновение армян с православными. В храме Воскресения Христова с хор, которые принадлежали армянам, в толпу упал подсвечник. У часовни Гроба в то время находились островные греки и приехавшие из глублинки армяне. И началось¹¹.

После драки Базили пришел к армянскому патриарху и потребовал, чтобы ему выдали 500 человек, потом снизил цифру до 80. Он хочет посадить их в тюрьму. Требуется и через церковного начальника, и через пашу, потому что считает лишь одну сторону виноватой. Паша сказал патриарху, «что Россия сильна, что армянская нация слаба; надобно уступить требованию консула и хоть для виду посадить в тюрьму человек шесть». «И в самом деле, посажены были 6 человек и с ними один поп армянский», – добавляет о. Порфирий.

Русский консул с помощью турецкой власти пробует укротить и православных арабов, которые имеют обычай «беситься около Гроба Господня и во храме в великую пятницу и в субботу»¹².

Отец Порфирий, конечно, далек от риторики Базили. Духовные вещи у него преваляют над материальными. Когда, например, православные арабки лукаво спрашивают: «Когда москов завладеет здешними местами и обогатит нас?». Он отвечает: «Тогда, когда освободит вас истина». «Не понимаем, что ты говоришь нам», – возражают они. «Ну, коли вы не понимаете, то сделайте горшки», – улыбается архимандрит¹³.

И все-таки о. Порфирий не был чужд колониальных представлений. Он верит в победоносное шествие императорской России на Ближнем Востоке. И смотрит на религиозную жизнь Палестины глазами рачительного хозяина: подмечает, что можно исправить к лучшему, что убрать. Он думает, что

Константинополь вскоре станет нашим. «Покойный император Александр говорил, что Босфор есть ворота его дома, а Николай положил в свой карман ключ от этих ворот», – говорит наш архимандрит на приеме у армянского патриарха. «А сын его отопрет ворота», – закричали в ответ на речи русского богомольца все гости¹⁴.

Русская духовная миссия имела отчетливую политическую составляющую, но присутствовала в ней и собственно миссионерская направленность. Конечно, никто из русских посланников не занимался катехизацией: не для того они сюда были посланы. Но определенная духовная работа все же велась. В Архангельском монастыре, куда греки пустили жить членов миссионерской команды, в воскресные и праздничные дни совершались богослужения на церковнославянском языке. По понедельникам звучала здесь также молитва на арабском, «так как местные христиане, чувствуя икону архангела Михаила в занятом нами монастыре, обыкли по понедельникам слушать обедню на родном языке»¹⁵.

Конечно, странно было бы ожидать особой торжественности в богослужении, совершаемом небольшим числом верующих. Среди клириков не было даже диакона. Но все равно русским паломникам важно было знать, что в Святом граде есть место, где служат так, как и в далекой России.

Богомольцы, надо сказать, представляли в Святой земле весьма разношерстную массу. «Некоторые из них провозжали здесь жизнь поистине строгую и праведную; молитва была их пищею и отрадою. А многие жили здесь беспутно и блудно», – записывает о. Порфирий. И тут же продолжает: «...наши отставные солдаты суть самые лучшие христиане. Они и крайне терпеливы и благочестивы, и трезвы, и постники. Военная служба, выпрямляя тело, выпрямляет и душу»¹⁶.

Приходилось отцу архимандриту и исповедовать, и причащать, и благословлять на различные деяния. К нему постоянно текла струйка богомольцев за советом, помощью и утешением. В основном это были простые люди. И их вопросы порой удивляли отца. Вот, например, пришли к нему две богомолки за благословением. Одна из них спрашивает: «Где находится то место, куда Господь-то наш Иисус Христос завел десять девушек, пять умных и пять дурочек?». Начальник миссии отвечает, что такого места нет, потому что Господь говорил притчу о десяти девах. «Как же здесь в городе, у мазских (разумей Дамасских) ворот, на горе, показывают старинную церковь и говорят, что там-де Господь был у этих девушек», – возразила она. «Не верь

тому, что говорят тебе люди бестолковые. Там был монастырь девичий. Вот тебе и все», – подводит черту отец архимандрит¹⁷.

Порфирий всячески продвигал идею духовного образования. И вот в 1849 году Иерусалимский патриарх Кирилл решает учредить духовное училище для образования сельских священников¹⁸. 14 июня 1849 года училище было открыто в монастыре Св. Гроба.

Русский архимандрит под омофором Иерусалимской патриархии создает народные училища для арабов. Они открываются в Лидде и Рамле для мальчиков, в Иерусалиме для девочек. Причем попечителем всех патриарших учебных заведений стал сам начальник Духовной миссии.

Глядя на подрастающее поколение, он вспоминает те шутки, которые позволяли усваивать трудную науку. «Преподобная мати лисица, стратотерпцы зайцы, мученики волки, пустынножители медведи в берлогах живущие, лапки сосущие, молитесь душам нашим. Наподобие этой стихире поется Господи возвах на первый глас», – записывает устроитель арабских школ в своем дневнике¹⁹.

По инициативе о. Порфирия была открыта типография для издания книг на греческом и на арабском языках. Перед выходом в свет арабских молитвословий их тщательно сверяли с греческими. Книги для православных арабов имели огромное значение в деле просвещения христиан Святой земли.

Наряду с просветительскими проектами миссия пыталась заниматься социальной работой, но с ней как-то не очень клеилось. Так, в Екатерининском монастыре (где наряду с Феодоровским жили русские богомольцы) силами миссии в октябре 1851 года была устроена больница для русских паломников, но её пришлось закрыть в конце декабря из-за плохого лечения.

Наш архимандрит, как посланник великой державы, оказался активно вовлечен в жизнь Иерусалимской церкви. Патриарх и другие иерархи посвящали о. Порфирия в свои дела и даже спрашивали его советов. Сам он особенно никуда не лез, но его фигура оказалась востребованной в самых разных случаях. Так, в Вифлееме митрополит Дионисий заманил его на собрание, где сидели православные, католики, армяне, последователи ислама. Жители хотели убить православного христианина-араба, который вступил в незаконную связь с католичкой-арабкой. Арабские священники говорили, что в Ветхом Завете Финеес копьем пронзил еврея, прелюбодействовавшего с медианитянокою. Они считали, что если прелюбодей не убьют, то их жены и дети потеряют

Раздача «благодатного огня». Фотография конца XIX века. Записи архим. Порфирия (Успенского) остаются одним из основных источников, утверждающим естественное происхождение этого огня

всякий страх и впадут в распутство. С большим трудом о. Порфирию удалось предотвратить кровопролитие²⁰.

Авторитет о. Порфирия имеет не только символическую, но и финансовую составляющую. Он щедро раздает пожертвования тем, кто в них нуждается: клирикам, учащимся школ, частным просителям. Например, по рекомендации уважаемого человека платит 15 пиастров в месяц одной женщине в деревне Бет-Джала. Раздает бедным жителям Иерусалима, Вифлеема, Бет-Сахура (деревня Пастырей) по 500 пиастров перед праздниками Успения, Рождества и Пасхи²¹.

У начальника Миссии сложились добрые отношения с патриархом Иерусалимским Кириллом и членами Синода. О недостатках Иерусалимской церкви он говорит с горечью и сожалением. Пишет о стратегических просчетах церковного руководства, не желающего по-настоящему заняться просвещением арабской паствы, не пускающего арабов на высокие посты. О грехе гордыни, не позволяющему топ-менеджменту разрулить ситуацию со святыми местами. Упоминает архимандрит и о грехе стяжательства. В дневнике мы можем прочитать: «Патриарх Кирилл отправил на свою родину на остров Самос русскую утварь, пожертвованную Гробу Господню, и тем опозорил себя»²².

Отец Порфирий вел большую научную работу по изучению книжных сокровищ Палестины. В монастыре Саввы Освященного, в Вифлееме и Иерусалиме он ознакомился и составил подробный список рукописных и печатных книг, патриарших грамот и свитков. Просвещенный архимандрит

не только изучал древние книги, но по мере своих материальных возможностей старался приобретать их и отправлять на родину.

Большим препятствием к осуществлению его деятельности стала болезнь глаз. Что только не делал больной: пробовал разные примочки, менял климат – перебрался из Иерусалима в Яффу, предпринял с осени 1851 по весну 1852 г. поездку в Одессу, где были опытные офтальмологи. Глаза удалось немного подлечить, но проблема осталась.

Как и в первый свой приезд, о. Порфирий уделял много времени археологии Святой земли. Он объездил Палестину вдоль и поперек, ища интересные артефакты и доказательства своих ученых гипотез.

Для о. Порфирия вообще не существовало противопоставления науки и религии, а топография и география современной Палестины являлись для него лишним подтверждением точности текстов Священного писания. Библия была для него вернейшим путеводителем по Святой земле. Вот пример. Архимандрит в 1848 году исследует окрестности Яффы. И задается вопросом: библейская ли эта местность? И отвечает на него, держа в руках книгу Иисуса Навина. «Тир, ныне ел-Тире, у большой дороги... Рама, ныне Рамиа, на западе от города Севастии... Иреон, ныне Ирта, севернее Антипатриды и ел-Тире... Итак, сегодня я был в области израильского колена Неффалима»²³.

Никакие размышления о расхождении научного и религиозного представления о возникновении мира не мучают отца архимандрита. Библейская картина самодостаточна. И когда о. Порфирий записывает в дневнике: «На Ливане уцелели те самые кедры, о которых сказано в Псалтири: их же Бог насади. Стало быть, они ещё допотопны», он даже не задается вопросом: «Носил ли потоп всемирный характер?»²⁴.

В контексте библейских рассказов смотрит о. Порфирий и на окружающую природу. Акриды «походят на зеленое дерево, не выше нашей хорошей сирени. Их кругловатые листочки можно есть как салат и как приварок в похлебке из сорочинского пшена. Они немножко солоноваты. Ими-то питался Иоанн Предтеча, а не саранчю»²⁵. Подобные записи не редкость в его дневнике.

Библия являлась для ученого, кроме всего прочего, пособием в научных разысканиях. Например, он вспоминает евангельское повествование о том, что Иисус Христос по воскресении Лазаря удался со своими учениками в город Ефрем близ пустыни (Ин. 11:54). И задается вопросом: не находился ли сей город в месте нынешнего православного села Тайбе? И вот он решает отправиться туда верхом из Иерусалима, а

это около 5 часов езды, и узнать, нет ли вблизи этого места развалин под названием Оф или Офра, Ефрон или Ефрем. Почему Оф или Офра? «В книге Иисуса Навина сказано, что сей победоносный вождь израильского народа в числе тридцати царей ханаанских убил царя офрского и город Офру отдал сынам Вениамина»²⁶. Порфирий добрался до села и убедился, что здесь находился библейский Ефрем. Так Библия стимулирует науку.

Если ученый в своей работе с большим вниманием относился к свидетельствам Библии и церковной традиции, то к преданиям мусульман он подходил весьма скептически. Порфирий сомневается, что «в мечети Омаровой тот самый камень, на который Иаков возлил елей после сонного видения ангелов в Лузе». (Быт. 28:1–19). В другом месте он говорит о «мечети у мнимого гроба сына Иакова Рувима», о «пресловутой мечети их неби Муса (гробница Моисея. – Б.К.), недалеко от Вифании» с мнимым гробом Моисея²⁷.

В Святой земле начальник Русской духовной миссии провел с отлучками, самыми большими из которых были поездки в Одессу и в Египет, шесть лет.

Он свыкся с местной жизнью. «Любо мне жить в Иерусалиме, где я господин своего ума, своей воли, своего времени и дела, но болезни едва ли не выгонят меня из этого рая», – признается о. Порфирий²⁸.

Правда, в дневнике мы можем найти и другие высказывания, вроде: «Здесь люди весьма скучны. Греки не образованы, армяне и францискане не друзья музам, консулы заняты собою и жидами. Итак, поневоле сидишь в келье и что-нибудь читаешь или пишешь»²⁹.

Порой ему даже хотелось все бросить и бежать в какой-нибудь монастырь на родине. Но тайный голос говорил: «Мать родила тебя для Востока». И он, повинувшись ему, перестал помышлять о раннем покое³⁰.

И все-таки Порфирию пришлось проститься с Палестиной: началась Крымская кампания. У историков нет единого мнения о том, что стало её действительной причиной. Но в любом случае ясно, что формальным поводом явилось решение султана передать католикам ключи от базилики Рождества в Вифлееме и последующие межконфессиональные конфликты. Россия начала думать о «войне оскорбленного самолюбия». Империя настаивала на своем праве покровительствовать османским христианам, которых было около 12 миллионов, то есть треть всех жителей страны. Она обратилась к турецкому султану вернуть status quo. Россия привела фирман султана от 1757 г. о восстановлении прав Иерусалимской церкви в Палестине и положение Кючук-Кайнаджирского мирного

договора, дававшие России основания защищать христиан на всей территории Османской империи. Западноевропейские страны признали требование status quo вмешательством во внутренние дела независимого государства. Турция отвергла всякие соглашения и объявила войну России. К ней немедленно присоединились Англия и Франция.

От австрийского консула Пиццамано начальник Русской духовной миссии узнал о войне и о том, что Базили уезжает из Бейрута в Ливорно. Вскоре пришло письмо и от самого русского консула. Турки потребовали отъезда о. Порфирия и его спутников, но особенно их не торопили. Архимандрит не спеша сдает Архангельский монастырь, снимает с себя должность попечителя школ патриархата.

В его дневнике в это время можно прочесть. «18 октября 1853 года. В Святогробском храме прочитан был фирман о войне России с Турцией, и здешним христианам внушено молить Бога о даровании султану победы над нами»³¹.

«2 мая 1854 года. Здешние католики служили благодарственный молебен по случаю бомбардирования Одессы»³².

8 мая о. Порфирий выезжает из Иерусалима вместе с о. Феофаном, Соловьевым и ещё 13 русскими паломниками. Путь их лежит до Яффы и далее парохомом в Триест.

Так закончились первые годы пребывания Русской духовной миссии на Святой земле.

Борис Колымагин

¹ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1894. – Т. 1. С. 374. (Далее цитация записей о. Порфирия по этому изданию – авт.).

² Там же. Т. 1. С. 574.

³ Там же. Т. 1. С. 573.

⁴ Там же. Т. 1. С. 653.

⁵ Там же. Т. 1. С. 654.

⁶ Там же. Т. 1. С. 547.

⁷ См. Виноградов И.А. Документы о паломничестве Н.В. Гоголя к Святым Местам. <http://www.ippo.ru/ipporu/article/dokumenty-o-palornichestve-nv-gogolya-k-svyatym-mestam-201283>.

⁸ Там же. Т. 3. С. 257.

⁹ Там же. Т. 3. С. 627, 628.

¹⁰ Там же. Т. 4. С. 118.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 591.

¹² Там же. Т. 1. С. 612.

¹³ Там же. Т. 3. С. 534.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 606.

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 338.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 611.

¹⁷ Там же. Т. 4. С. 90, 91.

¹⁸ Там же. Т. 3. С. 579.

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 491.

²⁰ Там же. Т. 3. С. 293 – 298.

²¹ Там же. Т. 3. С. 139, 301.

²² Там же. Т. 3. С. 293.

²³ Там же. Т. 3. С. 275.

²⁴ Там же. Т. 3. С. 193.

²⁵ Там же. Т. 5. С. 25.

²⁶ Там же. Т. 3. С. 551.

²⁷ Там же. Т. 4. С. 95.

²⁸ Там же. Т. 3. С. 354.

²⁹ Там же. Т. 4. С. 90.

³⁰ Там же. Т. 3. С. 453.

³¹ Там же. Т. 5. С. 155.

³² Там же. Т. 5. С. 206.